

На правах рукописи

СУВОРОВ Николай Николаевич

ЭЛИТАРНОЕ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ  
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ  
ПОСТМОДЕРНИЗМА

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ  
диссертации на соискание ученой степени  
доктора философских наук

Санкт – Петербург  
2005

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Научный консультант: доктор философских наук,  
профессор С.Н.Иконникова

Официальные оппоненты: доктор философских наук,  
профессор М.С.Каган

доктор философских наук,  
профессор Т.А.Апинян

доктор философских наук,  
профессор В.В.Селиванов

Ведущая организация: Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена

Защита состоится 18 октября 2005 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 210.019.01 в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Автореферат разослан 18 сентября 2005 г.

Учёный секретарь  
диссертационного совета  
доктор культурологии, профессор



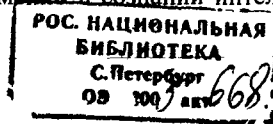
В.Д.Лелеко

2006-4  
13588

217 4072

**Актуальность исследования.** Процессы, происходящие в культуре последней трети XX и начала XXI века, коренным образом преобразили характер эпохи. Глобализация экономики активизировала воздействие СМИ на политическую, научную и художественную жизнь общества. Общество пронизано информационными потоками, формирующими содержание и ориентации как индивидуального, так и массового сознания. Изменения картины мира нашли своё отражение в теоретических работах и художественной практике постмодернизма. Трудности исследования заключаются в том, что постмодернизм – реальный и незавершённый процесс современной культуры. Философская теория постмодернизма имеет устойчивую интенцию к расширению дискурсивного поля, характеризуется семантическим и категориальным многообразием, обусловленным принципиальным отказом от концептуального конституирования, в постмодернистской рефлексии невозможно констатировать парадигмальное единство. Тем не менее, сложились устойчивые характеристики этого явления, выделился ряд влиятельных теоретиков постмодернизма, постулирующих теоретический отход не только от классической, но и неклассической традиций филосоfovания, определился корпус текстов. Постмодернистская парадигма утверждает новую эпистемологическую модель, соединяющую реальные подходы к познанию явлений культуры, постулирует принципиально плюралистическую картину мира, нелинейный характер социальных и культурных динамик, преодолевает противостояние западного и восточного интеллектуального опыта. Концептуальная модель нелинейных динамик создаётся в современной культуре во встречном движении гуманитарного и естественнонаучного познания, в постмодернистской философской теории и в синергетике. Осознанный с начала 80-х годов как общекультурный феномен, постмодернизм стал специфическим направлением в социогуманитарных науках. Необходимость в исследовании процессов, происходящих в художественной культуре постмодернизма, их теоретическое осмысление важны для перспектив философской и культурологической диагностики дальнейшего развития.

В культуре постмодернизма наиболее отчётливо обрисовалась давняя дилемма историко-культурного развития – выделение элитарного и массового сознания и их опредмечивание в особых формах деятельности. Для современной культуры является характерной неопределённость социальной принадлежности, мерцание систем ценностей, номадическое распределение гуманитарных сингулярностей. В связи с этим некоторые теоретики постмодернизма (Ф. Джеймисон) полагают, что массовое сознание и его ценностные ориентации растворяют в себе элитарное сознание, нивелируют художественные и культурные ценности. Между тем вектор креативной деятельности направляет именно элитарное сознание, в то время как массовое сознание пронизано исключительно ценностями потребления и гедонизма. На такой точке зрения настаивают Ж.Бодрийяр, Ж.Делёз и др. По мнению теоретиков постмодернизма, творческий потенциал современной культуры концентрируется именно в сознании интеллектуальной элиты.



Изучение элитарного и массового сознания в культуре постиндустриального общества ограничивается их фактографическим описанием, между тем актуальным является морфологическое исследование, предполагающее выявление строения и интенциональных состояний сознания. Такое изучение позволит адекватно формулировать закономерности социальной динамики, выявить процессы формирования и распространения ценностей культуры и искусства.

Особенности художественной практики постмодернизма акцентируют внимание на соединении традиционных приёмов художественного творчества и аксиологии искусства с привнесением в них практик других видов деятельности. Таким образом, происходит расширение диапазона художественного видения и приёмов художественного творчества. Постмодернистская художественная креативность не сводится к подражательным процедурам, но представляет собой процесс получения квинтэссенции нового культурного опыта и тенденции его дальнейшей динамики. Изучение особенностей постмодернистской художественной культуры имеет универсальное значение, поскольку процессы, происходящие в искусстве, идентичны по своим характеристикам процессам, протекающим в других сферах культуры.

**Степень разработанности проблемы.** Разнообразие подходов теоретиков постмодернизма позволяет выделить устойчивый корпус текстов, фиксирующих основные направления мысли, наметить главные стратегии в изучении постмодернистской ситуации в культуре и художественной практике. Исследование постмодернизма осуществлялось представителями этого направления как выражение теоретической саморефлексии. Характерные черты постмодернизма и его методология раскрыты и исследованы в трудах А.Бадью, Р.Барта, Ж.Батая, Ж.Бодрийяра, В.Вельша, Ж.Делёза и Ф.Гваттари, Ж.Деррида, Ф.Джеймисона, Ю.Кристевой, П.Козловски, Э.Левинаса, Ж.-Ф.Лиотара, Р.Рорти, М.Фуко, И.Хассана, У.Эко и др. Развитию постмодернистской проблематики косвенно способствуют его критики, к которым относится, в частности, Ю.Хабермас. Теория «коммуникативного действия», по его мысли, снимает противоречия между элитарным и массовым сознанием и является теоретическим основанием исследований процессов культуры.

Содействовали становлению постмодернистского мировоззрения работы предшествующих философов, чьи идеи оказались актуальными во второй половине XX века – Ф.Ницше, М.Хайдеггера, О.Шпенглера, Х.Ортеги-и-Гассета. В их работах содержалась критика рационализма, идеи целостности культуры и взаимосвязь культуры Востока и Запада, утверждалось единство человека и природы, осознавалось разделение элитарного и массового сознания.

Исследованию различных проблем постмодернизма: смысла и эволюции философского направления, особенностям постмодернистской художественной культуры, вопросам текстологии, игровой деятельности и другим, посвящены труды отечественных исследователей: Т.А.Апинян, О.В.Богдановой, В.В.Бычкова, А.А.Грицанова, Б.Гройса, А.А.Грякалова, В.М.Диановой, С.Н.Иконниковой, И.П.Ильина, М.С.Кагана, Н.Б.Маньковской, Б.В.Маркова, С.Т.Махлиной, М.А.Можейко, В.А.Подороги, В.В.Прозерского, К.Э.Разлогова, В.П.Руднева, В.В.Савчука, И.С.Скоропановой, Э.В.Соколова, Г.Л.Тулчинского,

Н.А.Хренова, М.Н.Эпштейна, Э.П.Юровской и др. Проблемы постмодернизма исследованы также в трудах зарубежных учёных: Дж.Ланда, Ч.Норриса, М.Роуз и др. Большое значение в изучении методологии постмодернизма отводится трудам по синергетике И.Пригожина, И.Стенгерс, Г.Хакена, В.П.Бранского, В.Васильковой, М.С.Кагана, С.Курдюмова и др.

Между тем изучение элитарного и массового сознания в их взаимодействии осуществлялось в более ранних эпохах. Так, спорадические замечания о природе и функционировании этих феноменов содержатся в трудах мыслителей античности и эпохи Возрождения. Систематическое исследование этих явлений началось с XIX века, с того времени, когда определённость границ элиты и массы становится наиболее рельефной. Так, в отечественной научной традиции анализу взаимосвязи интеллектуальной элиты общества и народного сознания уделяли внимание К.С.Аксаков, М.А.Бакунин, А.И.Герцен, П.Л.Лавров, К.Н.Леонтьев, Н.К.Михайловский, П.Н.Ткачёв, А.С.Хомяков, отмечавшие особую роль интеллектуальной элиты в деле просвещения народного сознания и формирования его социальных ориентаций. В конце XIX – начале XX века противостояние элиты и народной массы приобрели новую актуальность. Такое противостояние обостряется всегда в переходные периоды развития культуры, поскольку именно от той роли, которую играет интеллектуальная элита в обществе, зависит будущее развитие. Н.А.Бердяев, С.А.Левитский, П.Б.Струве, С.Л.Франк, по-разному решая указанную проблему, возлагали на интеллектуальную элиту ответственность за состояние умов и настроений в народной массе.

Современные исследователи народной культуры Г.К.Вагнер, В.Е.Гусев, М.А.Некрасов называют народную культуру органической в силу её связи с природной средой и с этносом. В отличие от народной массовая культура и массовое сознание, как продукты индустриального и постиндустриального общества, утратили эту естественную основу.

В европейской философской и социально-психологической науке конца XIX – начала XX века исследовались проблемы массового сознания – в трудах Ф.Ницше, Г.Лебона, С.Сигеле, Г.Тарда, А.Токвиля и позднее, – З.Фрейда и его школы, – многие идеи этих исследователей до сих пор актуальны, например, идея противостояния элитарного и массового сознания.

Соотношение элитарного и массового сознания решалось в исследованиях Х.Ортеги-и-Гассета, В.Парето, А.Тойнби, отмечавших дифференцированность интеллектуальной элиты и её ответственность за содержание массового сознания и судеб культуры. Идеи Франкфуртской школы нашли воплощение в теории Г.Маркузе и Т.Адорно о «двойном измерении высокой культуры», в которой рассматривалась движение элитарного сознания к целям творческого самовыражения и создания ценностей культуры и искусства. Продуктивные идеи решения данной проблемы высказал Ю.Хабермас. Его теория «коммуникативного действия» создаёт основу трактовки соотношения элитарного и массового сознания в условиях постиндустриального общества.

Отечественные исследования о природе и функциях массовой культуры значительно продвинули решение поставленной проблемы и создали возмож-

ность представить многообразие различных проявлений как элитарного, так и массового сознания. В этой связи следует отметить труды Г.К.Ашина, В.Л.Глазычева, Е.В.Дукова, К.Жигульского, Е.Н.Карцевой, Н.И.Киященко, Н.Н.Козловой, Н.А.Конрадовой, А.В.Костиной, А.В.Кукаркина, Л.В.Петрова, К.Э.Разлогова, В.В.Селиванова, Е.Г.Соколова, А.Я.Флиера, Н.А.Хренова, Е.Н.Шапинской. Продуктивная методология исследования стратификации общества предложена в трудах П.Бурдьё. Его идеи институционального рассмотрения общественных структур, теория «символического капитала», производимого и накапливаемого в различных сферах культурной деятельности и особым образом функционирующего в среде элитарного и массового сознания, а также теория «социального и культурного полей», создали возможность рассмотреть с этих точек зрения взаимодействие элитарного и массового сознания. Теория «символического капитала» позволяет раскрыть своеобразие процесса товарного «обращения» произведений искусства.

Поскольку элитарное и массовое сознание и их взаимосвязи исследуются в художественной культуре постмодернизма, постольку идеи, выработанные в этом направлении, сделали возможным рассматривать элитарное и массовое сознание сквозь сетку постмодернистских категорий, например, таких, как «складка» и «складывание», «ризома», «текстуальность» и «гипертекстуальность», «дискурс», «нарратив», «логоцентризм», «симулякр», «номадология», «деконструкция», «лабиринт», «поле», «плоскость», «событие», «означивание», «ирония», «цинизм», «символический капитал» и др., используя при этом непосредственную практику постмодернистского искусства.

Философская теория постмодернизма, анализ категорий и понятий, отражающих принципы новой картины мира, осуществлены в трудах Ж.Делёза и Ф.Гваттари «Что такое философия?», «Ризома», Ж.Делёза «Складка: Лейбниц и барокко», «Nomadology», «Ницше и философия», «Ницше», «Критика и клиника», «Переговоры 1972–1990», Ж.-Ф.Лиотара «Содержание постмодерна», А.Бадью «Манифест философии», И.Хассана «Культура постмодернизма» и F.Jameson «Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism».

Анализ элитарного и массового сознания, их взаимодействие в современной художественной культуре и в теории постмодернизма освещены в трудах Р.Барта «Мифологии», «Система моды. Статьи по семиотике культуры», «Империю знаков», «Избранные работы. Семиотика. Поэтика», «S/Z», М.Фуко «Слова и вещи», «Археология знания», У.Эко «Открытое произведение», Т.В.Адорно «Эстетическая теория».

Для осмысления структурного и семиотического анализа произведений современного искусства важны исследования по семиологии и по теории «текста» Ж.Деррида «Письмо и различие», «Грамматология», Ю.Кристевої «Избранные труды: разрушение поэтики».

Анализ основных интенций массового сознания, направленных на потребление и гедонизм, символическое обращение ценностей массовой культуры осуществлён в исследованиях Ж.Бодрийяра «Система вещей», «Символический обмен и смерть», «Соблазн», «Simulacres et simulations», «В тени молчаливого большинства или конец социального», «К критике политической экономии зна-

ка», П.Бурдые «Практический смысл», «Политическая онтология Мартина Хайдеггера».

Продуктивные методологические положения, использованные для анализа онтологии элитарного сознания, содержатся в работе М.Хайдеггера «Бытие и время».

**Объект исследования** – элитарное и массовое сознание в художественной культуре постмодернизма.

**Предмет исследования** – онтологический статус и динамика элитарного и массового сознания в художественной культуре постмодернизма.

**Цель исследования** – морфология и взаимодействие элитарного и массового сознания в художественной культуре постмодернизма.

В соответствии с поставленной целью определяются задачи диссертации:

- определить характер и границы постмодернизма как философского способа описания и объяснения картины мира в современной художественной культуре;
- исследовать необходимые категории и понятия для описания элитарного и массового сознания, применяемые в трудах теоретиков постмодернизма;
- проанализировать онтологический статус и культурологические особенности элитарного и массового сознания в социогуманитарных науках – социологии, социальной психологии, культурологии и эстетике;
- выявить морфологию элитарного сознания и определить основные формы, интенции и маргинальные векторы в художественной культуре постмодернизма;
- определить морфологию массового сознания и проанализировать ценностные векторы в художественной культуре постмодернизма;
- исследовать процесс взаимодействия элитарного и массового сознания в контексте современной художественной культуры;
- определить формы взаимодействия элитарного и массового сознания в различных областях культурной практики и перспективы взаимодействия в художественной культуре постмодернизма.

**Методологические основы и методы исследования.** В основу исследования положены: принцип историзма, предполагающий изучение элитарного и массового сознания в культуре постмодернизма; принцип единства исторического и логического, позволяющий обосновать особенности элитарного и массового сознания в конкретно-исторической ситуации; принципы междисциплинарного и системного подходов, а также категориального изучения, широко используемые в гуманитарных науках, в философии и культурологии.

Системная методология выявляет наиболее продуктивные черты постмодернизма, осваивает их как эвристический принцип в исследовании строения и взаимодействия элитарного и массового сознания.

Методы культурологических исследований позволяют включить в данную работу результаты изучения различных явлений истории художественной культуры, культуры повседневноности, эстетики, но также социологии, социальной психологии, семиотики.

**Научная новизна работы** заключается:

- в обосновании философии постмодернизма как течения, возникшего на основе переоценки ценностей эпохи Просвещения и модернизма, в анализе оригинального комплекса категорий и понятий, отражающих современную картину мира, процессы развития художественной культуры;

- в исследовании соотношения элитарного и массового сознания в современной художественной культуре с позиций постмодернистских категориальных смыслов и значений; использовании понятий: «складки», позволяющей исследовать полярные реальности элитарного и массового сознания, не нарушая их автономности; «порога культуры», дающего возможность абстрагировать перевод культурных ценностей из одних координат в другие, осуществлять «культурную фильтрацию текста»; «ризомы», задающей нелинейный способ изучения художественных феноменов; «культурного текста», «символического капитала» и «социального поля», создающих эвристические возможности для трактовки процессов культурного и художественного творчества. Обновление понятийного аппарата исследования является отражением не только новизны эпистемологической картины мира, но и современной художественной практики;

- в анализе онтологического статуса, культуротворческих стратегий и границ культурного поля элитарного сознания, выявлено его морфологическое строение и ценностные интенции, определены векторы элитарного сознания: «центробежный», акцентирующий стремление элиты к свободе творчества, и «центростремительный», фиксирующий интенцию элитарного сознания к высокому социальному статусу. Исследованы характеристики элитарного сознания: самосознающее себя единство, креативная направленность деятельности, интеллектуализм, культивирование индивидуальных отличий. Определён синдром эсхатологизма элитарного сознания и параметры элитарной художественной культуры, выраженные в особенностях художественного «текста» и принципах «перформативности» произведения искусства;

- в исследовании онтологического статуса и иконографии массового сознания, содержание которых раскрывается в повседневных ценностях и симулятивной «рекламной» коммуникации, пронизанных интенциями конформизма, симиургией моды, катастрофизмом. Определены основные характеристики массового сознания: утрата личностных черт, ослабление интеллектуального контроля, внушаемость, несамостоятельность, потребительство. Морфологическая структура массового сознания, проявляется в мифологизации техники, тела и вещи, в ценностных векторах потребления и гедонизма в современной художественной культуре. Качество «ангажированности» массового искусства является условием функционирования на рынке символических ценностей;

- в определении координат взаимодействия элитарного и массового сознания в искусстве постмодернизма, использовании эвристических смыслов понятий «складка», «ризома», «порог культуры», «символический капитал», разделяющих художественные ценности элитарного и массового сознания и определяющих характер ценностных акцентов в произведениях элитарного и массового искусства.

**На защиту выносятся следующие положения:**



1. Постмодернизм как направление современной философии, характеризуется оппозиционностью, критическим настроем к традиционному, «классическому» взгляду на общество и природу, предельным утверждением позиции автономной личности. Постмодернистский дискурс провозглашает принцип переоценки всех ценностей и отражает переходную эпоху в эпистемологии. Художественная культура постмодернизма рассматривается как сфера взаимодействия элитарного и массового сознания. Эпистемологические категории постмодернизма позволяют описать и раскрыть суть процессов современной культуры. Для решения этой задачи исследуются понятия постмодернизма: «складка», «ризома», «порог культуры», «социальное и культурное поле», «символический капитал».
2. Понятие «складки» (Делёз и Гваттари) и её типов раскрывает взаимодействие элитарного и массового сознания в пространстве художественной культуры постмодернизма. С помощью данного понятия исследуются нелинейные процессы культуры, состояния «различия» элитарного и массового сознания без нарушения их автономии. Понятие «порога культуры» позволяет рассмотреть качественную определённую и границы художественно-культурных процессов для исследования элитарного творчества и обособленности от массового сознания. Границы элитарного сознания определяются величиной «символического капитала» (Бодрийяр, Бурдьё) полученного в результате креативной деятельности. «Порог культуры» массового сознания характеризуется ценностями потребления и гедонизма.
3. Дискурс постмодернизма создаёт эвристические возможности нового прочтения процессов современной культуры: уподобление художественного текста «ризоме» (Делёз и Гваттари) вводит в него различные измерения и порядки. Модель растения и его корня становятся универсальным методом трактовки художественного текста и процесса творчества. Вместо линейности и строгой последовательности постмодернизм утверждает прихотливый рисунок творческого поиска. Исследуется ризоморфная природа художественного «текста» (Барт) и «интертекстуальности» (Кристева), с помощью которых соединяются различные характеристики художественного произведения, отражается многообразие смыслов и ценностей современной культуры.
4. Морфологическое строение элитарного сознания предполагает границы культурного поля сознания, определение основных векторов активности, направленных на «оперирование структурой» (Барт), производство смыслов, «членение и монтаж», «деконструкцию-реконструкцию» (Деррида), метод «оживления» и воображаемого отождествления с предметом познания. Элитарное сознание в своём креативном поиске стремится к системной самоорганизации. Онтология элитарного сознания, построена на соответствии субъекта и объекта культуры, на преодолении «неподлинного» существования (Хайдеггер), «нарративных повествований» Просвещения и модернизма. Морфологический анализ элитарного сознания выявляет периферийные, маргинальные проявления, выраженные в анархизме и нигилизме, связанные с созданием новых смыслов и переоценке ценностей. Вектор креативной деятельности интеллектуальной элиты направлен на преодоление логоцентризма, на поиск новых флуктуаций бытия, плюрализм ценностей и «номадические» поиски творческого воображения. Мифотворчест-

во интеллектуальной элиты, основанное на представлении о конце земного существования как эсхатологическом исходе, пронизанном не только торжеством творческого поиска, но и ироническим отношением к его результатам.

5. Концепция «открытого произведения» (Эко) задаёт параметры элитарной художественной культуры, трактующей процесс создания произведений искусства и формирование художественно-культурной среды. Допускается изучение произведения искусства по принципу дополнительности, оправдание прерывного и нелинейного опыта, ведущего к увеличению информации. Если массовое сознание ориентировано на художественно-образное воплощение традиционных ценностей, принимаемых за норму, то элитарное сознание ориентировано на эстетические ценности «открытого произведения», созданного в результате пересечения художественных практик и существующего в новых формах инсталляций, перформансов, видеоарта, конструкций текста.

6. Постмодернистский принцип «перформативности» (Лиотар) произведения искусства постулирует «смерть автора» (Барт), и акцентирует активность процесса восприятия. На смену «живому» автору приходит «живое» произведение, существующее в интерактивном пространстве, наполненном свободными интерпретациями, экспонированием и исполнением. Онтология элитарного сознания переплетается с независимым существованием результатов деятельности – артефактов и произведений искусства.

7. Морфология массового сознания состоит из потребительских и гедонистических интенций. Выражением массового сознания выступает «рекламное сознание» (Бодрийяр), основанное на фрагментах рекламных клипов, гипертекстах, ценностях потребления и самосохранения, культе тела и мира вещей. «Интертекстуальность» «рекламного сознания» представляет собой сеть рекламных клипов, «грамматологическую» полифонию культурных смыслов общества потребления. Содержанием «рекламного сознания» выступает производство потребления и превращение его в непрерывный процесс.

8. Главными ценностями массового сознания являются тело и вещь. Семиология телесности и артефакты престижного потребления становятся «алфавитом» массовой художественной культуры. Телесность выступает «машиной желаний» (Делёз и Гваттари), и стимулирует производство «символического капитала» и мира вещей. Симулятивность массового сознания выражается в замене креативного содержания культурных смыслов и ценностей на поверхностные и временные культурные суррогаты. Плюрализм ценностей, лишённый креативного вектора, ведёт к их обесцениванию. Симулятивная мифология массового сознания заключается в фетишизации техники, культе потребления и приобретения. Особым вектором мифологии выступает катастрофизм, отражающий страхи массового сознания, его неуверенность и уязвимость.

9. Семантика массового искусства соединяет элементы архаической и повседневной культуры. Основными функциями массового искусства выступают: иллюзорно-компенсаторная, симулятивно-мифологическая и адаптационная. Его характеристиками являются развлекательность и занимательность, примитивность и прямолинейность содержания, схематизация и стереотипизация, ирония и пародия, инфантилизм и временность.

**Научная и практическая значимость диссертации** состоит в раскрытии основных составляющих постмодернистской философии и культуры, обусловлена представлениями о динамике современной художественной культуры, включающей ценности элитарного и массового сознания. Исследование проведено с активным использованием категорий постмодернистского дискурса. Креативная природа элитарного сознания и его ценности сопоставляются с потребительскими смыслами и ценностями массового сознания в контексте культуры постмодернизма. Следствием данных смысловых и ценностных акцентов и их переплетения становится всё многообразие современной художественной культуры. Материалы, приведённые в исследовании, могут быть использованы для чтения курсов по философии, культурологии, эстетике, по философии искусства и частным проблемам художественной практики. В прикладном значении диссертационное исследование может служить для выработки стратегии в подходах к современному искусству, оёенок произведений искусства, их культурного и товарного обращения в сфере символического капитала, понимания специфики художественной текстологии, характеристики творчества современных художников.

**Апробация исследования.** Основные положения и выводы диссертации докладывались на заседании кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (2005 г.); XII Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Семья и дети» (Санкт-Петербург 2005); XI Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Государство и дети» (Санкт-Петербург 2004); X Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Культура и детство» (Санкт-Петербург 2003); Международной конференции «Современные проблемы межкультурных коммуникаций» (Санкт-Петербург 2003); Международной конференции «Образ современности: этические и эстетические аспекты» (Санкт-Петербург 2002); Международной научной конференции «Векторы развития культуры на грани тысячелетий» (Санкт-Петербург, 2001); Международной научной конференции «Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: Перспективы нового века» (Санкт-Петербург, 2001); Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное. Проблемы функционирования культуры» (Великий Новгород, 2000); научной конференции «Этическое и эстетическое: 40 лет спустя» (Санкт-Петербург 2000); конференции «Научно-методические проблемы подготовки специалистов в вузах культуры» (Санкт-Петербург 1997); Международной научной конференции «Историзм в культуре» (Санкт-Петербург 1997); V Международном семинаре «Культура на пороге III тысячелетия» (Санкт-Петербург, 1995).

Материалы диссертации использовались автором при чтении курсов: история мировой культуры, история художественной культуры, история культуры XX века, галерейное дело, введение в арт-бизнес. Результаты исследования отражены в 49 публикациях (общий объём: 49 п.л.) в том числе в монографии «Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма» (СПб., 2004. – 23, 25 п.л.), 2-х публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографии.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень её разработанности, определяется объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, определяется методология диссертационного исследования, научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость её результатов.

Также введение посвящено философскому анализу исторического возникновения элитарного сознания и его взаимодействия с массовым. Уже мыслители Древней Греции отмечали особенности в поведении и мышлении интеллектуальной элиты и массы. Занятие философией отмечалось Гераклитом, Платоном и Аристотелем как отличающее истинное благородство от мнимого. В Древнем мире сложилось разделение общества на рабов и господ, установились акценты на этом естественном для того времени разделении развития творческих и умственных способностей. Христианское средневековое общество, хотя и постулировало абстрактное равенство перед Богом, на деле было также пронизано жёсткой иерархией, в том числе и по интеллектуальному признаку. Гуманисты Возрождения разделяли людей по принципу принадлежности к «учёности», подтверждали право интеллектуальной личности на обособленное и привилегированное положение в обществе. Об этом писали, например, М.Фичино и Н.Макиавелли. Просветительская позиция французских энциклопедистов заключалась в дифференциации элитарной интеллектуальности по степени приближения к истинному знанию, в противовес интеллектуальному заблуждению, что выразилось в теории «двух истин». Просвещение утвердило моральное право «мудрого воспитателя», элитарного интеллектуала и просветителя наставлять и просвещать неразумную толпу. Просвещение декларировало роль «разумности», полагая процесс образования основой прогресса культуры и исправления нравов. Позиции Гольбаха и Лейбница, Дидро и Локка сходились на общих принципах пользы образования и его основы для формирования интеллектуальной элиты общества и искоренения социальных пороков.

В отечественной социальной философии XIX века особенно остро формулировалось противостояние народного сознания, с одной стороны, и просветительского лидерства интеллигенции, с другой стороны. А.И.Герцен, П.Л.Лавров, Н.К.Михайловский, М.А.Бакунин разрабатывали теории воздействия интеллектуального меньшинства на народную массу с целью прогрессивного преобразования русского общества. К.Н.Леонтьев прозорливо предостерегал, что начавшиеся в Европе процессы «эгалитаризации и либерализации» приведут обществу к относительному равенству – экономическому, политическому, умственному, половому и т.д. В итоге эти процессы демократизации повседневной и общественной жизни неизбежно закончатся господством «среднего класса», всеобщим культурным усреднением.

В конце XIX – начале XX века представления о взаимодействии и противостоянии интеллектуальной элиты общества и народной массы приобрели новую актуальность. Н.А.Бердяев, остро осознавая духовный разрыв между элитарным и массовым сознанием, возлагал вину на интеллектуальную элиту, справедливо отмечая, что именно в высшем творческом слое утрачивается идея служения, пронизанная «свободой, смыслом, ценностью и качеством», способная вдохновить массы. В результате у массового человека оказывается подавленным личностное начало. Темнота массового сознания происходит не от его слепоты, но от слабости света, исходящего от интеллектуальной элиты. Н.А.Бердяев постулировал большую совесть русской интеллигенции, находившей причины неустроенности мира в нерешённости своих собственных проблем.

Идея «соборности» общества, при которой элита и масса находились бы в состоянии гармоничной взаимной дополнителности, созревала в традициях отечественной философской мысли. Основным препятствием на пути гармонического соподчинения элитарного и массового сознания встал процесс омассовления культуры, способный привести к диктатуре ограниченного количества идей и ценностей, не способствующих свободному развитию творческой личности. Н.А.Бердяев, Н.О.Лосский, С.А.Левицкий видели в несинхронном движении элитарного и массового сознания возможный социальный и культурный катастрофизм. Общество, проповедующее потребление как главную ценность жизни, превращается в объект потребления и быстро растрчивает накопленные веками ценности.

В процессе исторического развития элитарного и массового сознания возникает проблема народной культуры, имеющей мнимое сходство с массовым сознанием. Для уточнения принципиальных различий рассматриваются дефиниции народной и массовой культур. Под народными истоками понимаются этнокультурные традиции, имеющие широкое обращение в национальном творчестве и создающие плодотворную среду для всех аспектов культурного развития. В исследовании анализируются точки зрения М.М.Бахтина, Г.К.Вагнера, В.Е.Гусева, А.Я.Гуревича, Н.И.Киященко, исследовавших феномен народной культуры. Итоги проведённого анализа привели к выводу, что в условиях развития постиндустриальной культуры произошло перерождение народной культуры в массовую с естественной утратой родового содержания, пронизанного креативными ценностями. Архаические корни народной культуры, связанные с культом природных циклов и определяющие особенности этноса, оказались несовместимыми с потребительскими ценностями массового сознания, ориентированного на урбанистические ритмы постиндустриального общества.

В западноевропейской научной традиции конца XIX – начала XX века большое внимание уделялось изучению соотношения элитарного и массового сознания. Ф.Ницше отмечал, что, хотя национальные «складки» характеров создают прочный фундамент самобытным культурам, «стадный человек» в Европе, по его словам, принимает теперь такой вид, как будто он «единогласно дозволенная порода человека». По мнению Ницше, человек массы – это неудача по отношению к высшему человеку. А.Токвиль, изучавший уроки Французской революции, писал, что для начала Нового времени характерно коллективистское

сознание, склонное к произволу, которому ненавистно всякое неравенство. Систематическое исследование массового сознания нашло отражение в работах Г.Лебона, утверждавшего, что на фоне современной культуры могущество масс представляет единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой всё увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс, - постулировал Г.Лебон. Г.Тард дифференцировал массовое сознание выделяя понятие «публики», обязанной своим появлением СМИ. Таким образом, информационные тексты создают публику, ею управляют и выступают для неё главной ценностью. На создателей текстов падает особая ответственность, поскольку от их деятельности зависит содержание массового сознания. З.Фрейд отмечал присущие толпе импульсы сексуальности и агрессивности. Художественно одарённые представители элиты способны эти импульсы представлять в художественно-символической форме и создавать возможность их воображаемого разрешения. Философские провидения Х.Ортеги-и-Гассета оказали значительное влияние на представления о взаимосвязи элиты и массы. Многие его идеи оказались созвучными эпохе постмодернизма. Испанский мыслитель, убеждённый апологет интеллектуальной элиты, не жалел красноречия для характеристики плебейского духа «человека-массы». Он отмечал, что безудержное потребление, свойственное «человеку-массы», превращается в ненасытную жажду наслаждений и погоню за ними. Эгоистический гедонизм заслоняет собой все родовые человеческие устремления, с которыми традиционно связывается общественный прогресс. Если европейский либерализм помогает массе осознать свои потребности и придать им правовой вид, то технический прогресс создаёт условия для скопления масс в городах и создаёт бесконечные возможности стимулирования и удовлетворения массовых потребностей. Массовизация культуры, по мнению Ортеги, способна привести развитие человечества к непредсказуемым и катастрофическим последствиям. Философ сформулировал основные проблемы общества потребления. Психологическими характеристиками человека-массы являются два вектора: произвольное проявление его жизненных устремлений и радикальная неблагодарность по отношению ко всему, что сделало возможным его потребительское существование.

А.Тойнби, анализируя развитие цивилизаций, отметил энергетический принцип взаимодействия «творческого меньшинства» и нетворческого, инертного «большинства». По его мнению, демократия и индустриализм, приведённые к жизни западной цивилизацией, возникли в результате деятельности интеллектуальной элиты, в то время как большинство оставалось инертным и равнодушным. В силу этого общество стоит на грани неминуемого регресса. Особая ответственность за будущее культуры лежит на интеллектуальной элите. Исследуя жизнь «творческого меньшинства», А.Тойнби пришёл к выводам, что «Вызов-и-Ответ», «Уход-и-Возврат» характеризуют особенности исторического творчества элиты и различные спектры взаимодействия элиты и массы. Интеллектуальная элита, ощутившая требования исторического момента, удаляется от дел (осуществляет «Уход») и творит новую модель бытия. Активное возвращение к общественной жизни, характеризующее стадию «Возврат», отмечается либо признанием, либо непризнанием идей элиты среди инертной массы. Миме-

сис массового сознания не всегда оказывается достаточно интенсивным и всеобщим, чтобы привести массу к активному следованию по путям, открытым элитой. Называя мимесис «социальной тренировкой», А.Тойнби справедливо отмечал присущий ему автоматизм, который в силу естественных причин подражательной практики не способен воспринять, сохранить и воплотить пафос и суть идей интеллектуальной элиты. Поэтому творческие проекты элиты часто терпят неудачу. А.Тойнби расширяет идеи Ортеги более подробной и теоретически обоснованной трактовкой статуса интеллектуальной элиты.

В исследовании рассматриваются взгляды Ю.Хабермаса на соотношение элитарного и массового сознания, отражённые в его «теории коммуникативного действия». По его мнению, в пространстве посткультуры интеллектуалы способны создать «коммуникативный разум» - духовное единство, основанное на общности позиций и критериев оценки, объединяющее интеллектуальное пространство и набор основных ценностей. Критерием «коммуникативного действия» выступает его вовлечённость в культурную практику. Философ не склонен идеализировать механизм своей теории, допуская в процессы «коммуникативного действия» императивные механизмы конформизма. Устойчивые образцы толкования, метанарративы, закреплённые в языковой форме снижают новаторский пафос интеллектуального творчества и постепенно превращаются в «повседневную коммуникативную практику». Далее исследуются точки зрения на указанные феномены Г.Маркузе и К.Юнга. Проблемы «одномерности» и «многомерности» культуры, создаваемых, соответственно, массовым и элитарным сознанием могут коррелировать с теорией культурных архетипов и их иерархии. Теоретические исследования соотношения элитарного и массового сознания выделяют наиболее общие черты. Черты массового сознания сводятся к следующему:

- человек, находясь в массе, утрачивает личностные характеристики и подпадает под власть групповых реакций;
  - логический контроль ослабевает, заменяется эмоциями и инстинктами. Масса легче, чем индивид поддаётся внушению и сильнее обнаруживает эмоциональные реакции;
  - человек, находясь в массе, утрачивает интеллектуальную самостоятельность. Общий интеллект массы всегда ниже, чем совокупность интеллектов входящих в неё индивидов;
  - массовое сознание ориентировано на потребление;
  - для массового сознания интеллектуальная элита выступает как чуждое социальное образование, но необходимое для обслуживания потребностей массы;
- Характеристики элитарного сознания сводятся к следующим чертам:
- элитарное сознание всегда выступает в меньшинстве;
  - элита в данном аспекте обладает ярко выраженным интеллектуализмом;
  - элита может занимать, но может и не занимать привилегированное положение в обществе;
  - в отличие от массы, элита дифференцирована по способам и типам специализации интеллектуальной деятельности;
  - интеллектуальная элита культивирует творческую деятельность;

- в отличие от массы, элита обладает развитым самосознанием;
- в отличие от массы, нивелирующей индивидуальные различия, принципом существования элиты является многообразие и культивирование индивидуальностей;
- элите присуще чувство личной ответственности не только за свои действия, но также за действия массы и за будущее культуры.

Исследования природы и взаимодействия элиты и массы и особенности их сознания отразились в отечественной научной литературе. Анализируются точки зрения таких авторов как: Г.К.Ашин, В. Глазычев, К. Жигульский, Е.Н. Карцева, Н.Н. Козлова, Н.А. Конрадова, А.В. Костина, А.В. Кукаркин, Л.В. Петров, К.Э. Разлогов, Е. Г.Соколов, А. Я.Флиер, Н. А.Хренов и др.

**Глава 1. «Постмодернизм – парадигма современной культуры».** Постмодернистский дискурс является формой осмысления процессов движения культуры и теоретической мысли последних десятилетий XX – начала XXI века. Выступая продолжением периода модернизма, это направление вбирает в себя и переосмысливает многие черты предшествующих культурных традиций. Так, некоторые характеристики постмодернизма следует искать в романтизме. Постмодернизму, также как романтизму, свойственны оппозиционность, критический настрой к традиционному, «классическому» взгляду на общество и природу, осмысление позиции автономной личности. Постмодернистский дискурс провозглашает принцип переоценки всех ценностей и отражает переходную эпоху в своей эпистемологии. В исследовании отмечается, что в переходные эпохи наблюдается устойчивый интерес к «угаснувшим культурам» прошлого. Так, свойственное культурной атмосфере русского Серебряного века «перелистывание» наследия мировой культуры, составление межкультурной мозаики, мифотворчество могут рассматриваться как прямые предшественники постмодернизма. Возможности транс-исторического бытия создают интеллектуальное поле плюрализма и культурного сопоставления различных ценностей, так необходимых для творческого осмысления меняющейся реальности. Преодоление европоцентризма, подобно ориентализму романтиков, направляет постмодернизм в русло принципа дополнительности к более широкому обобщению мирового опыта. Следствием этого постулируется принцип диалогизма и вариативности процессов развития и мышления. Принципы, сформулированные синергетикой, ведут к «расширению» видения и осмыслению реальности в новых категориальных системах. Присущий романтизму вкус к маргинальности, периферии психологического и социального, алогизму, бессознательному является импульсом, принятым постмодернизмом. Для постмодернизма, как и для романтизма, характерно острое противостояние, но в то же время активное взаимодействие интеллектуальной элиты и массы, отделённых различием систем социальных смыслов и ценностей.

Постмодернистская теоретическая мысль постулирует как традиционные трактовки элитарного и массового сознания, так и находит новые характеристики, сформированные в культуре постиндустриального общества. Ж.Бодрийяр отмечает, что прошли те времена, когда масса творила историю. Главная сила современного массового сознания в поглощении и нейтрализации социальных



смыслов. Его основным свойством является «имплозия», «пучина, в которой исчезает смысл». В массовом сознании даже отсутствует конфликт, который непременно есть в любом развивающемся феномене. В массовом сознании отсутствует как индивидуальное начало, так и региональные признаки. В современном обществе нивелируются изначальные конфликты власти и массы, поскольку столкновение этих двух явлений не создаёт ситуации производства смыслов. Массовое сознание существует вдали от героических и трагических нарративов прошлого. Оно живёт только настоящим. Несмотря на обладание мощной энергетикой, масса не распространяет её во вне, не создаёт благотворного поля творчества, но, наоборот, поглощает любые импульсы, движущиеся вне её орбиты. Наука, техника и система знания воспринимаются массовым сознанием в качестве магических практик и зрелищ. Исторические и культурные события фиксируются в массовом сознании лишь при условии высокой зрелищности. Основным вектором её активности является потребление.

Элита, интеллектуальная или властвующая, направляют в массовое сознание огромное количество разного рода информации. Однако «импловивность» массы превышает любые силовые и интеллектуальные воздействия. Информация, как товарное производство, нуждается в постоянном увеличении потребления и превращается в процесс создания мифов. Социальная «отгороженность» в культуре постиндустриального общества будет только увеличиваться, что, по мнению теоретиков постмодернизма, приведёт к катастрофическому конфликту. Таким образом, постмодернизм заостряет проблему взаимодействия элитарного и массового сознания, подчёркивает необходимость выработки социальной стратегии в разрешении существующего противоречия.

**Параграф 1.1. «Складки» культурного пространства** посвящён анализу культурологического метода исследования элитарного и массового сознания в ракурсе теории «социального поля» и природы «символического капитала» П.Бурдьё, а также понятий «складки» и «ризомы», разработанных Ж.Делёзом и Ф.Гваттари, выступающих инструментом исследования. Если понятия «складки» и «ризомы» дают возможность рассматривать процессы взаимодействия элитарного и массового сознания, то понятие «социального поля» позволяет изучить социальное пространство, «микрокосм» этих взаимодействий. Понятие «социального поля» ограничивает сферу исследования, задавая систему пространственных координат. Элитарное и массовое сознание соотносятся как два поля, неравнозначные по объёму и структуре и пересечённые складками. Понятие «складки» принято теоретиками постмодернизма в качестве парадигмальной разработки состояний «различия», - «сгиб, который различает» и, вместе с тем, который «может различаться» (Делёз). Понятие «складки» позволяет исследовать, не нарушая автономности, полярные реальности элитарного и массового сознания. Производные термины: «складчатость», «извилины», «сгиб», «сгибание» и др. создают возможность понятийно обозначить многообразие процессов, происходящих в элитарном и массовом сознании. Понятия «складки» и «ризомы» позволяют преодолеть линейный характер традиционных трактовок социальных и культурных процессов.

Существование элиты и массы подразделяются на два порядка – «реальность первого порядка», данная через распределение объективированных условий существования страт, социальных практик и ценностей; и «реальности второго порядка», представленной через символические «матрицы» практик агентов, объективированных как социальные представления. Вследствие этого объективная и символическая реальности причудливо переплетаются, подменяя и провоцируя друг друга. Переплетения реальностей пронизаны различными типами «складок» - ментальных, символических, ценностных, эстетических и др. Таким образом, процесс исследования элитарного и массового сознания предстаёт как проекция мира на складчатую поверхность культуры. Социальное поле оказывается изрытым складками взаимодействий различной глубины и формы. Освещённость складки отражает степень её социальной выявленности и лояльности. Так, маргинальные процессы, проходящие вне общественной допустимости, оказываются в тени. Складки массового сознания усложняются складками массовых претензий, престижным, демонстративным потреблением, символической интеракцией. Элитарное сознание также пересечено складками, которые в силу большего разнообразия и сложности выстраиваются в ряд позиций. Выделяется «интерналистский полюс», интенции которого направлены на точное следование «текстам» и программам данного поля, и «экстерналистский», обращённый к различным контекстам, идущим из других полей. Символический капитал как продукт творчества создаёт необходимые условия для самодостаточного существования интеллектуальной элиты и активно заимствуется массовым сознанием со специфической для неё интерпретацией.

**Параграф 1.2. «Пороги» элитарной и массовой культуры»** Символический капитал способен к быстрому росту, но и к быстрому падению, его наличие стимулирует преодоление «культурного порога». Понятие «культурного порога» создаёт возможность исследовать «складчатое» взаимодействие элитарного и массового сознания, но также различать границы культурных смыслов и ценностей. Если «складка» и «ризома» характеризуют межкультурные связи и взаимопереходы ценностей и традиций, их «центробежность», то понятие «порога культуры», напротив, характеризует качественную определённость и относительную стабильность культурных процессов, - их «центростремительность».

Преодоление «порога культуры» имеет свои особенности для элитарного и массового сознания, осуществляясь в различных координатах культурного пространства. Перевод культурных ценностей из одних координат в другие происходит как перекодировка текста, проходя «культурную фильтрацию». Преодоление «порога культуры» имеет вид межкультурного диалога, всегда неравного. Характер габитуса элитарного сознания характеризует скорость и способ преодоления этого порога. Границы сознания определяются величиной «символического капитала». Накопленный «символический капитал», являясь продуктом творчества и сотворчества, создаёт возможности как для самодостаточного существования интеллектуальной элиты, так и для процесса дальнейшего «оборота» этого капитала. Исследование поля элитарного сознания предполагает дифференциацию на поля журналистики, науки, и искусства. Производится анализ этих форм элитарного сознания и возможные способы их соподчинения.

**Параграф 1.3. «Ризоморфный характер культурного поля».** Понятие «ризомы» интегрально формулирует в философии постмодернизма представления о нелинейном способе организации целостности, что позволяет исследовать элитарное и массовое сознание в контексте отношений различных культурных смыслов. Таким образом, в пространстве символических полей осуществляется взаимодействие «складок и ризом» смыслов и ценностей элитарного и массового сознания.

Дискурс постмодернизма создаёт эвристические возможности нового прочтения многих процессов современной культуры. Так, уподобляя художественный текст «ризоме», Ж.Делёз и Ф.Гваттари вводят в него различные измерения и порядки. Модель растения и его корня становятся универсальным методом трактовки не только нового текста, но и процесса творческой деятельности. Вместо линейности и строгой последовательности постмодернизм утверждает прихотливый рисунок творческого поиска. Вслед за М.Хайдеггером, Ж.Делёз и Ф.Гваттари отмечают направленность художественного творчества на выявление потенциальных состояний реальности, выявления новых флуктуаций бытия и сознания. Тем самым, постмодернистское понимание ризоморфности сущего опирается на философскую традицию, рассматривающую бытие как «самоосуществление», разворачивающееся в процессе движения культуры. Процесс творческого созидания совпадает с процессом самодвижения культуры, что находит своё воплощение в концепции творчества Ж.Деррида, трактовавшего созидание нового как процессы взаимосвязи «деконструкции» и «реконструкции» текстов культуры. Оригинальная методология постмодернизма задаёт интеллектуальную установку на исследование художественного текста как «пучка» смысловых линий, переплетённых не только воображением автора, но и требующих значительных усилий по их «распутыванию» в процессе освоения художественного текста. Выводы касаются особенностей художественной практики постмодернизма и их преломления в элитарном и массовом сознании.

**Глава 2. «Взаимодействие элиты и массы в социогуманитарных науках»** посвящена анализу соответственно социологическому, социально-психологическому и эстетическому исследованиям взаимодействия указанных феноменов. Многослойность и многоаспектность элитарного и массового сознания предполагают междисциплинарное изучение и синтез методологии различных наук.

**Параграф 2.1. «Социологическое пространство взаимодействия элитарного и массового сознания».** Для социологического рассмотрения указанных феноменов характерно трактовать элиту как преимущественно «властную». Между тем властная элита институционализируется в индустриальном обществе и не покрывает своим содержанием интеллектуальную элиту. Анализируются теоретические положения Н.В. Колесника, В.П.Мохова, Р.Сеннета, Т.Кандо, Л.Болтянского, Л.Тевено и др. Отмечается продуктивность мнения В.Б.Голофаства, предложившего функциональный подход к изучению феномена элиты. Анализируется позиция П.Бурдьё, разработавшего «структуралистско-конструктивистский» подход, согласно которому, процессы формирования социальных позиций элиты и массы осуществляются не только с учётом социальных

условий существования, но и в результате овладения ими различных форм капитала – экономического, политического, культурного, эстетического и др. Величина и динамика символического капитала формируют социальный статус и место в социальной стратификации.

**Параграф 2.2. «Социально-психологическое пространство взаимодействия элитарного и массового сознания».** Социально-психологический аспект предполагает исследование социальной группы, в которой происходит приобщение к повседневным стандартам элитарного или массового поведения. Рассматриваются теории С. Московичи, Э.Аронсона, Л. Фестингера, У. Бенниса, Т. Шепарда, Г. Блумера, В.П.Большакова и Д.В.Колесова. Автор останавливается на теории «символического интеракционизма», рассматривая её как способ описания поведения массы. Д.В.Колесов суммирует исследования многих социальных психологов и отмечает такие свойства, как деперсонализация и деиндивидуализация массового сознания. Альтернативой психологии «случайного поведения» массы выступает психология социальной стабильности. Выявляются маргинальные формы массового сознания и поведения, такие как люмпенство. Для социально-психологического подхода характерно выявление личностных характеристик представителей различных социальных групп и выявление повторяющихся устойчивых признаков, по которым определяется принадлежность к элите или массе. Для интеллектуальной элиты важнейшей характеристикой выступает стремление преодолеть случайность поведения, способность к творчеству и стремление к самореализации. Социально-психологический подход к исследованию элитарного и массового сознания основывается на рассмотрении специфики сознания личности, склонности к случайному поведению, отношении к ценностям культуры и их переоценке, способности к продуктивной и репродуктивной деятельности.

**Параграф 2.3. «Эстетическое поле взаимодействия элитарного и массового сознания».** Для характеристики эстетического подхода проанализированы идеи В.В.Бычкова, И.П. Ильина, М.С. Кагана, Н.И.Киященко, Н.Б. Маньковской, а также Е. Адорно, Р. Ингардена и У. Эко и др. Исследована эстетическая концепция постмодернизма, его связи с модернизмом и другими эстетическими теориями XX века. Изучена актуальность системы категорий и понятий постмодернизма, таких как «деконструкция», «симулякр», «интертекстуальность», «ирония», «ризома», «складка», «телесность» и др., сквозь призму которых возможно рассмотреть взаимодействие элитарного и массового сознания в атмосфере современной художественной культуры. Понятийное обновление органично отражает новизну художественных практик, предмета эстетического отношения и объекта художественного творчества. Постмодернистская эстетика опирается на релятивизм и симуляцию, характеризующие содержательные и формальные поиски в современном искусстве. Сфера художественных ценностей и ценностных приоритетов существенно разделяет поле элитарного и массового сознания. Согласно Е.Адорно, не относившегося к теоретикам постмодернизма, но давшего продуктивные характеристики современной художественной практики, массовое искусство выступает формой общественной «репрессии», поскольку на нём лежит печать «недоискусства». Эстетические ценности выступают духовным

дискурсом интеллектуальных исканий элиты. Концепция «открытого произведения» У.Эко, развивающего постмодернистские взгляды не только в своих литературных произведениях, но и в теоретических положениях, объясняет особенности функционирования современного мира искусств. «Открытое произведение» предстаёт не столько как «предвидение ожидаемого, сколько ожиданием непредвиденного», воплощаясь в поле интеллектуальных стимулов. Для достижения данных целей художественная форма открытого произведения состоит из минимальной информации и требует максимальной избыточности. «Открытое произведение» способно стимулировать творчество в любой сфере культуры. Именно данная установка лежит в основе динамичной модели западной культуры. Поэтика «открытого произведения» являет собой историческое утверждение культурной среды, допускающей существование по принципу дополнительности взаимоисключающих решений, оправдание прерывного и нелинейного опыта, воспринимаемого как ценность вместо традиционной непрерывности и линейности, допущение сквозных временных сопоставлений идей и ценностей. Такая стратегия интеллектуального творчества и сотворчества в сфере искусства даёт право рассматривать её как модель элитарной творческой деятельности, духовной симметрии личности и культуры. Если массовое сознание является результатом пассивного усвоения традиционных ценностей, принимаемых за норму и способствующих публичному гомеостазису, то элитарное сознание ориентировано на эстетические ценности «открытого произведения» и формируется благодаря заложенному в нём качеству коммуникативной вероятности.

**Глава 3. «Морфология элитарного сознания»** состоит из введения, в котором определяются закономерности морфологического исследования и основные векторы существования элитарного сознания: «центробежный», объясняющий естественное для интеллектуальной элиты стремление к свободе творчества, пределом которой становится маргинальное, «богемное» существование; и «центростремительный», обозначающий стремление элитарного сознания к общественному признанию и достижению им престижного социального статуса. Морфологическое изучение элитарного сознания заключается в исследовании его строения, границ культурного поля, определения интенций и основных форм существования.

**Параграф 3.1. «Онтологический статус элитарного сознания»** посвящён анализу границ культурного поля элитарного сознания, а также исследованию философских параметров элитарного сознания в культурном пространстве постмодернизма. Р.Барт определяет интеллектуала как «структурального человека» поскольку его главное занятие – это «оперирование структурой». «Структурального человека» отличает свойственный ему особый метод мышления, который заключается в последовательном расчленении, а затем воссоединении действительности. Выявление структур объекта – метод творческого мышления. Творчество и достижение истинного знания осуществляется с помощью «уподобления», переноса свойств «означаемого» на природу «означающего». Оказавшись в логике движения и развития объекта, субъект не утрачивает своей уникальности, но только расширяет содержание сознания включением в него смыслов и ценностей объекта.

Сущностный вектор интеллектуальной элиты направлен на преодоление субъективной ограниченности. «Вживание» в предмет познания имеет своим следствием процесс воображаемого отождествления. Методами онтологического погружения в предмет познания выступают «членение и монтаж» (Барт) и близких по смыслу «деконструкции-реконструкции» (Деррида). Если «членение» приводит интеллектуальную модель к «принципу наименьшего различия», то «монтаж» заключается в выявлении близких по смыслу парадигмальных фрагментов и закреплении их по «правилу взаимного соединения». Творческий процесс движется по логике упорядоченных образований, повторяющий с некоторыми изменениями одни и те же складки, совмещая субъекта с объектом. Внутренняя согласованность и гармоничность элементов отличает шедевры от ученических штудий. Постмодернизм сознательно отказывается от понятий анализа и синтеза, имеющих выраженную логоцентристскую направленность. Новизна смыслов приводит к новизне категорий. Для Ж.Деррида, как и для Р.Барта, главным выступает производство смыслов. Отличие постмодернистских смысловых структур от традиционных заключается в преодолении классического подытоживания логоцентризма, лаконичного вывода, линейной трактовки многообразного бытия. Новые смыслы и ценности возникают из неожиданных флуктуаций бытия, «номадических» поисков творческого воображения, прокладывающего эвристические складки в пограничные области интеллектуальных изысканий. Новые приёмы дискурса предполагают смысловую прозрачность и многозначность толкования, плюрализм смыслов и оценок, «ацентризм» и «номадологию». Одним из критериев истинности произведений, является преодоление случайности. Для постмодернизма случай одновременно становится преградой на пути достижения категориальной истинности творчества, но в то же время случайное открывает потенциальные возможности новых флуктуаций. Таким образом, роль случайности определяется в системе концептуальных координат.

Теоретический статус «структурального человека» дополняется трактовкой «автора». Художник и учёный, по мысли теоретиков постмодернизма, рождается одновременно с созданным текстом. Автономность текста предполагает множество возможных трактовок, что приводит к постулированию «смерти автора», его фактическому исчезновению в акте творчества. На смену живому «автору» приходит «живое» произведение, существующее в перформативном пространстве, наполненном свободными интерпретациями, экспонированием и исполнением. Постмодернизм разрешает загадку полифункционального существования произведения. Игра с множеством смыслов и вариаций превращается для интеллектуала в фиксацию «самотождественности», дополнение реальности произвольными и «неправдоподобными переживаниями». Свободная интерпретация культурных текстов отразилась в теории «интертекстуальности» Ю.Кристевоy, рассматривавшей вслед за М.М.Бахтиным, переплетение различных видов письма. По её мысли каждый текст выступает как полимпсест, содержащий культурносмысловое многообразие. Самостоятельность текста придаёт ему независимый статус культурного факта. Постмодернистская трактовка творчества и сотворчества подчёркивает роль продуктивного воображения, ри-

зоморфного по своему строению и способного на интеллектуальные авантюры. Автономная природа художественного произведения как «квази-субъекта» (М.Каган), отразилась в «Декларации Прав произведения искусства» А.Небольсина. Принцип перформативности, провозглашённый постмодернизмом, заостряет экзистенциальную сущность произведения постулирует «смерть автора». Освоение произведения не исчерпывается логикой субъекта восприятия, всегда накладывающего свою матрицу на результат прочтения, но дополняется имманентной логикой самого произведения, его квази-субъективным существованием. Таким образом, онтология элитарного сознания переплетается с онтологическим существованием результатов деятельности – артефактов и произведений искусства.

Морфологический анализ элитарного сознания предполагает исследование его экстремальных, периферийных проявлений. Анализируется содержание понятия «герой». По мнению Ортеги, отличия элитарного человека замечаются массовым сознанием и фиксируются в двух формах: как непосредственное видение героизма, когда личная драма превращается в трагедию, жертвенность во имя идеи (Гамлет). Гамлетовская трагедия бытия одинокого интеллектуала, толкующего шифры мироздания и мучимая нравственными проблемами, часто встречается в памятниках культуры. Вторая форма выступает как нелепость, когда героическая личность стремится «улучшить» мир, но терпит неудачу (Дон-Кихот). Массовое сознание с недоверием относится к поступкам «героической личности», обречённой на мучения из-за нелепого, с точки зрения массового сознания, стремления к поставленной цели. Героизм для массового сознания выступает либо как метанарративный миф, либо как нелепость. В работе приводятся примеры из отечественной истории, иллюстрирующие это отношение. В связи этим рассматривается значение и смысл понятия «интеллигенция», свойственное русской культуре.

Постмодернизм меняет традиционные акценты героизма и общественного служения. Ж.Делёз представлял идеал «высшего человека», создающим корпус культуры и образованности и строящим свою жизнь на основаниях гуманности и служения. Однако в этом образе он усматривал «самую опасную мистификацию гуманизма», разумея традиционную культуру. «Высший человек» не в состоянии преодолеть базовые жизненные противоречия в силу своей предрасположенности именно «служению», поскольку он «тянет на себе» весь груз общественных предрассудков, моральных обязательств и ценностей. Груз служения угнетает интеллектуальную гибкость и закрепощает свободу, а устойчивые моральные ценности не позволяют следить за меняющейся реальностью. Талант «высшего человека» губят бытовые заботы и повседневные обязательства, неся свой «бытовой крест», он постепенно превращается в тривиального обывателя. Так, помимо «центробежных» и «центростремительных» сил, определяющих элитарное сознание, существует «повседневная имплозия», уравнивающая в своей посредственности элитарное и массовое сознание.

Творческий героизм, по мысли Ж.Делёза, присущ «сверхчеловеку», наделённому дионисийским началом и пропитанному здоровым нигилизмом. Положительное творческое начало должно чутко воспринимать живую действитель-

ность и быть освобождённым от бытовых забот. Перманентное отрицание всякой традиции должно в нём преобразиться в положительное творческое начало. «Сверхчеловек» не живёт по правилам морали и культуры, но сам устанавливает новые правила, формулирует законы бытия и мышления на основе собственного свободного творчества, которое не является произвольным, но развивается в соответствии с изменением реальности. Для Ж.Делёза, произвольность, случайность – это удел массового сознания, удел элитарного сознания – свободное творчество по законам природы.

**Параграф 3.2. «Культуротворческие стратегии элиты».** Исследуются основные качества и способности интеллектуальной элиты. Элитарное сознание, как самосознающее себя социальное единство, возникает в Новое время. В связи с появлением личностной определённости приходит осознание собственной значимости и ответственности. Появление этого феномена подтверждается возникновением науки о человеке. Анализируются положения Н.А.Бердяева об императивном характере природы аристократии как природной элиты и её близости интеллектуальной элите. «Избыточность» культуры предоставляет возможность творческому человеку организовать эту избыточность в своих целях. Творчество во все времена было связано с процессом переоценки ценностей, который осуществляло элитарное сознание. В связи с этим рассматриваются взгляды Ф.Ницше о природе нигилизма, аксиологии и теории «сверхчеловека» и их комментарии М.Хайдеггером. Понимание «сверхчеловека» основано на феномене культурного соответствия субъекта и объекта культуры, человека и его экзистенции. Для М.Хайдеггера ницшеанский «сверхчеловек» - это «элитарный интеллигент», интересующийся переоценкой ценностей и создающий новые ценности культуры. Преодоление «неподлинного» существования – основная задача интеллектуальной элиты. Х.Ортега-и-Гассет, искавший родовые черты элитарного сознания, отделял интеллектуальную элиту от правящей. Ортега определял её как свободно мыслящих, одарённых людей, создающих свою ответственность перед страной и народом, отмечая, что у каждого народа удельный вес такого творческого слоя неодинаков. Процесс массового образования не создаёт необходимых условий для возникновения такого слоя. Узость профессиональных ориентаций в условиях постиндустриальной культуры не создают условий широкого гуманитарного кругозора. Многочисленные «профи» могут быть названы «неграмотными учёными» из-за узости взглядов и неоправданной самоуверенности. Образ ограниченного «интеллектуала» есть символ торжествующего человека-массы. Такой человек науки превращается в представителя самого инертного слоя общества. Следствием этого в пространстве культуры постиндустриального общества научное и профанное сознание объединяются.

Один из ведущих мыслителей постмодернизма, Р.Барт, писал о природе и функциях элитарного творца – «мифолога», главной задачей которого является вскрытие естественного для современной культуры отчуждения. Подобно «структуральному человеку» Ж.Делёза, «мифолог» Р.Барта ставит задачу преодолеть нарративные предубеждения Просвещения и модернизма. «Мифолог» эту задачу решает разрушением стереотипов языка и, следовательно, обнаружением



новых смыслов, извлекаемых в результате этого разрушения. «Мифолог» также обречён на отчуждение, поскольку он ясно видит условность своих утопических построений, предназначенных для массового сознания. Результатом такого отчуждения выступает цинизм. Создавая идеологию, «мифолог» оперирует только метаязыковыми сообщениями, опосредованность которых отгораживает наблюдателя от предмета наблюдения. Наблюдая реальный мир, он оказывается «посторонним». Р.Барт отметил важную черту современной интеллигенции – быть «рупором» различных, порой соперничающих между собой систем идей и типов мышления. Поэтому формы интеллектуальной продукции, подчиняясь законам свободной конкуренции, способны вступать в борьбу друг с другом. Существует, по крайней мере, два объяснения роли интеллектуальной элиты в создании и распространении мифов массового сознания. Так, сами идеологи могут быть убеждены в истинности собственных построений, иначе социальных мифов. Другая точка зрения основывается на признании массового сознания первичным в процессе создания современных мифов. Идеологи выступают лишь как профессионалы, чутко улавливающие общественные настроения и формулирующие их в метанарративах.

Теория Р.Барта о специфике писателя и «пишущего» вскрывает суть и двойственность интеллектуального труда. Подчёркивается необходимость нравственного императива для истинного устремления продуктов творчества. Постмодернизм постоянно отмечает направленность творчества интеллектуала на создание культурных текстов, как единственно возможного и наиболее действенного средства воздействия, как на культуру, так и на всю реальность. Философ отводит особую роль искусству, как наиболее активной и идеальной модели всякой деятельности, видя в творчестве художника образец всякого творчества, а в культуротворчестве элиты склонность к «многоэтажной» рефлексии, скромность и независимость культурной среды её существования. Эти и другие качества элитарного сознания позволяют соотнести его с условиями системной самоорганизации, выработанными в синергетике. Таким образом, данные черты свидетельствуют об элитарной субкультуре как о социальной системе, отвечающей характеристикам систем высшего порядка.

**Параграф 3.3. «Синдром эсхатологизма»** посвящён исследованию мифотворчества интеллектуальной элиты. Находясь в границах текстовой реальности, интеллектуал погружает своё бытие в подвижную среду смысловых сплетений, лингвистических конструкций, мифосимволов. Артикуляция мифов уподобляется созидательной практике. Мифолог выстраивает свою жизнь по логике художественного произведения. Интеллектуальная элита, обладая способностью к предвидению и прогнозированию будущего, чутко улавливает грядущие социальные изменения и катастрофы. Предчувствиями грядущих трагических событий наполнена, например, русская литература конца XIX – начала XX века. Подобные предчувствия, представленные в системе, можно назвать эсхатологическим сознанием. Эсхатологические интенции свойственные интеллектуальной элите, нельзя назвать катастрофическими, поскольку в эсхатологии присутствует идея изначальной предустановленности, подготавливающая к неотвратимости воздаяния. Эсхатологическая картина мира пронизана не только мистери-

альностью и мифологией, придающим авторитет историко-культурной программе окончания земного бытия, но также философским телеологическим смыслом. Если эсхатологическая картина мира пронизана философским и нравственным пафосом, то катастрофическая картина мира связана со случайностью, с историей существования отдельного человека. Катастрофа, вторгаясь в жизнь как массового, так и элитарного человека, не окрашена светом роковой необходимости. Поскольку обыденное сознание существует лишь в аспекте повседневности, то случайность для него выступает главным регулятором событий, приносящим катастрофу. Для элитарного сознания, при всём его внимании к случайности и возможному катастрофизму, главный акцент делается на эсхатологическом исходе как естественном результате земного бытия. Катастрофы жизни в своей единичности выступают для элитарного сознания лишь подтверждением эсхатологической общности разумного бытия. В заключение параграфа анализируется категория «иронии», как отличительная черта элитарного сознания. Ирония творческого меньшинства имеет своим основанием знание того, что его деятельность, как правило, завоеует сердца и души соотечественников только посмертно. Ирония как метод особого отношения к миру и приём творческого мышления создаёт возможность рассматривать всё в системе диалога и взаимной оппозиции. Ирония не останавливает матрицу дискурса, но позволяет ей развиваться по имманентной логике. Ирония и самоирония смягчают безоговорочный фатализм эсхатологии, превращая этапы существования в отдельные сцены занимательного перформанса. В системе постмодернизма ирония превращается в универсальный метод мышления и отношения к ценностям культуры.

**Параграф 3.4. «Вектор маргинальности»** подвергает анализу крайние формы элитарного сознания, проявляющие себя в нигилизме и анархизме. В морфологическом исследовании эти формы предстают как наиболее яркое проявление своеволия элитарного сознания, подчинённое «центробежному вектору» и стремящиеся к маргинальности.

Маргинальность элитарного сознания обладает морфологическими особенностями. Проводится анализ связей «постмодернистского цинизма» с его историческим и теоретическим предшественником – философией античных киников. Достигнув своего развития в культуре эллинизма, кинизм артикулировал ряд принципов, ставших актуальными в конце XX века. Так, киники активно критиковали устойчивые идейные эквиваленты и нравственные императивы, занимались «переоценкой ценностей». Похожие задачи поставлены в постмодернизме. Постмодернистский интеллеktуал стремится к преодолению метанарративов, заменяя их текстуальной фактурой действительности. Сведение метафизики к повседневности также свойственно постмодернизму. Для Ж.Бодрийера миф рождается сегодня в рекламных текстах и киноклипах. «Перечеканка ценностей» для киников, как и для постмодернистов, не только активная критика власти, но и сведение принципов жизни и мышления к общему знаменателю, например, к сфере «телесности». Шокотерапия должна привести сознание к сомнению, а затем к созиданию новых ценностей. Кинизм помогал преодолеть инерцию традиционного взгляда на мир.

Для Р.Барта интеллектуальная герменевтика мифа предстаёт как его парирование, разложение на ряд симулякров массового сознания. Между тем, по его мнению, «вектор цинизма» мешает работе творческого воображения, получающему энергию от симпатии к воображаемому предмету. В итоге цинизм порождает презрение к предмету размышления, не искомую переоценку ценностей, а их обесценивание. По мнению Ортеги именно цинизм - одна из преград на пути продуктивного созидания. Таким образом, античный «кинизм» интеллектуальной элиты роднит её с историко-культурной традицией «переоценки ценностей», находящей себя в постмодернистском цинизме, порождающем ситуацию творческого сомнения, но также препятствующем продуктивной деятельности. Циник переоценивает, но не созидает.

**Параграф 3.5. «Параметры элитарного искусства»** посвящён исследованию продукта творчества элитарного сознания, опредмеченного в художественном произведении. Концепция нового произведения искусства была выдвинута Ортегой, отметившим непреодолимую границу, возникающую в процессе освоения новаторского произведения искусства элитой и массой. Если массовый человек предпочитает видеть в произведении, как в зеркале себя и знакомый мир, то для элитарного сознания истинным новаторством в современном искусстве признаётся исключение традиционного антропоморфизма и принципа мимесиса.

Г.Маркузе видел в авангардном искусстве, прежде всего «вызов». Искусство по своей природе направлено на преобразование вещей и отношений, следовательно, в нём всегда есть «великий отказ». Прогрессивная стилизация включает в себя дегуманизацию, исключая всё привычное для массового сознания. Искусство призвано «называть вещи своими именами» - основной тезис Г.Маркузе. Модернизм, таким образом, подчёркивал роль автора, видевшего суть вещей, его революционный пафос.

Постмодернизм постулирует понятие «текст», распространяя его на продукты искусства и культуры в целом, особое внимание при этом уделялось литературному тексту. Для Ж.Делёза литература – воплощение личного опыта писателя. Творцу следует избегать законченности, выходить за пределы нормы. Обращение художника к социальной патологии необходимо, чтобы «переболеть» социальными болезнями. Тексты искусства обладают не революционным, как в модернизме, но терапевтическим воздействием, излечивая общество. Соприкасаясь с болезненными формами психологии и социальности, искусство находится в пограничном состоянии, называемом Ж.Делёзом «бредом», «шизофренией» - свободным сознанием и произвольным комбинированием. Художник-постмодернист повторяет тезис А.Рембо: «Я есть Другой...», за которым скрывается множество нетипичных переживаний и уподоблений. В этом «смятении и колебании» интенсивного временного потока, живущего в воображении творца пронизанного иронией, возникает двойной симулякр, соединяющий мысль и образ. Текстовое творчество осуществляется одновременно с помощью создания нового языка. Внутри языка вырабатываются новые принципы, отвечающие видению автора и логике произведения. Художественный язык становится «внеположностью» языка массового сознания, способным фиксировать и воплощать

открываемую художником реальность. Ж.-Ф. Лиотар такое состояние языка называет «детством». Непосредственное видение реальности стимулирует художественное конструирование с помощью вновь созданного алфавита. Активное художественное формотворчество присуще всему искусству XX века. В постмодернизме этот принцип находится в контексте направления.

Для Р.Барта творческий процесс представляется более рациональным. Понимание современного произведения возможно при условии «относительности системы отсчёта». Подобно тому, как физика Ньютона является моментом физики Эйнштейна, представления классического искусствознания выступают частным случаем постмодернистской аналитики искусства, возникшей в результате преобразования категорий. Понятие «текста» уточняет понимание произведения искусства, поскольку вбирает в себя всё «невещественное», что находится в произведении и становится критерием художественности. В то же время, парадоксальность природы текста заключается в несоответствии образного и формального начал. Текст выступает границей высказывания автора, желающего ещё что-то сказать. (Деррида). Истинное существование произведения искусства возможно с помощью воссоздающего воображения, раскрывающего и толкующего символику текста. Смысловые линии текста обладают большим разнообразием и не поддаются даже «плюралистическому» истолкованию. В тексте происходит взрыв, рассеивание смысла. Множественность текста вызвана не двусмысленностью элементов содержания, а пространственной многоликостью означающих, из которых он создан. Если в модернизме всегда виден автор, то в постмодернизме постулируется его символическая смерть. Художественный текст предстаёт как складчатая и ризоморфная структура, принципиально вариативная и заново создаваемая. Освоение текста может осуществляться, во-первых, как его пассивное потребление, что характерно для массового сознания, во-вторых, как «игра с текстом» - превращение субъекта в исполнителя, в соавтора. «Игра с текстом» предполагает профессиональную интеллектуальную подготовку, развитое воображение и способность к свободной интерпретации. Свободная «игра с текстом» трактуется как идеальная модель продуктивного творчества.

Между тем обособленное рассмотрение элитарной художественной деятельности не является исчерпывающим. Взаимодействие элитарного искусства и массового предполагает уточнение границ произведения и его принадлежности.

Процессы культурного развития постиндустриального общества повлияли на развитие элитарного и массового искусства. Так, проблемы экологии обострили внимание к природе, что вылилось в новый натурфилософский пантеизм, нашедший своё выражение в искусстве. С другой стороны, потребительские ценности привили массовому сознанию предметные ориентиры, приучили любить и ценить многообразие вещей и их хорошее качество. Сфера искусства чутко реагирует на соотношение элитарного и массового сознания. Теоретики современного искусства (Д. Макдональд, Г.Белтинг, Э.Гомбрих) отмечают, что состояние массовой культуры оказывает влияние на качество культуры элитарной. Также как профанизация художественной элиты неминуемо приводит к снижению общекультурного градуса всего населения. Примером служат тотали-

тарные режимы, в которых происходило резкое снижение качества художественного творчества и массовое сознание формировалось низкопробной художественной продукцией. Высокий уровень современной элитарной культуры может стать условием общей культурности массы, реагирующей на культурные эталоны. Ценности элитарной культуры опосредованно влияют на общий культурный климат общества.

Принципы новизны в искусстве XX века базируются не только на художественных приемах, но также на трактовке предмета изображения. Проникновение в сущность предметного мира возможно только для художника, носителя элитарного сознания, поскольку массовое сознание скользит по поверхности предметного мира, не заглядывая в его сущность. Ещё Гегель говорил, что дух занимается вещами до тех пор, пока в них есть какая-то тайна. Искусство постмодернизма ставит задачу выразить тайну современных вещей, формулируя её в тексте. Отмечается ряд способов погружения воображения художника в мир современных предметов. Так, плоскость изобразительного искусства «взрывается» помещённым в него предметом. Отдельная вещь в контексте произведения становится проводником в вещественное многообразие предметного мира. Бесконечная природа реальной вещи стимулирует «производство смыслов». Индустриальные пейзажи приобретают свойство предметной манифестации и угрозы. Вещь, включённая в пространство произведения и лишённая своей родовой функциональности, превращается в монстра, в агрессивную деструкцию. Талантливый живописец всегда сумеет найти необходимую меру созданного и включённого в произведение реального предмета.

Помещённый в произведение предмет может быть иллюзорным. Произведение существует «пунктирно», соединяя в себе различные координаты: ментальные параметры и вещественные качества. Такое состояние достигается искусной маскировкой реального предмета, введённого в живописный холст и остающимся в нём как «мина замедленного действия». Полифункциональность и разнокачественность образа, существующего в различных измерениях, провоцирует зрителя, на «производство смысла», теряющего опору стереотипам изображения.

Инсталляции из различных вещей создают художественно-образную атмосферу законченного произведения. Предметная среда организуется устойчивыми ассоциативными связями по смежности, близости или по контрасту значений. Взятые из реальной среды повседневности, вещи отражают опредмеченные в них отношения и дух времени. Можно сказать, что в контексте произведения вещам предшествуют идеи. Художественный образ инсталляций движется по ассоциативному пути привычной вещественности, хорошо знакомой массовому сознанию, но преодолевает её жёсткие границы. Творческим «интегратором» становится перформативный намёк, возникающий чисто функционально, порождаемый непосредственным смыслом предмета. Таким образом, музейная среда забытых вещей преодолевает свой пыльный склеп, оживая в ауре художественного образа. Зритель превращается в соучастника событий. Старые предметы в своей провокации играют роль проводников во времени, минуя вербальную коммуникацию. Осуществляется перестановка смыслов, вызванная мысленным

пересмотром обыденных значений. Целью выступает переоценка очевидного, что является эвристически полезным. Пересмотр привычного шокирует массовое сознание, привыкшего к стереотипам восприятия.

В художественной практике постмодернизма незаметная жизнь вещей, вдохновляет многих художников. Пропасть между человеком и вещью по теоретическим прогнозам будет увеличиваться, поскольку конвейерное производство производит множество вещей, не попадающих в сферу повседневности. Только в процессе превращения вещи в произведение искусства возможно преодолеть равнодушие промышленной функциональности. Постмодернистские инсталляции и перформансы, исчерпав модернистскую концептуальность, обретут изобразительные формы для дальнейшего представления театра вещей.

Постмодернистские направления ориентированы на манипуляцию с интертекстовой семантикой, выражающейся в художественном создании палимпсестов, семантических структур с полу-стёртыми и проявленными системами знаков и символов. Произведение искусства, превращается в «палеонтологическую линзу», направленную на скопление знаков. Постмодернистская эстетика текста позволяет пройти обратный путь, проделанный культурой - от условного знакового обозначения к изобразительному рисунку – петроглифу.

Разнообразие и изобретательность фотографии превращает её в один из ведущих видов современного искусства. Кажущаяся доступность помогает преодолеть порог элитарности, но техническое усложнение создания фотообраза определяет статус профессионального творчества. Появление новых идей в современном искусстве возникает на пересечении художественных практик. Уже возникли произведения, совмещающие фото и предметные образы, а также пластическая компоновка предметных инсталляций с объёмными изобразительными мотивами. Произведение искусства возможно рассматривать как реальный отпечаток новых смыслов и семантических отображений.

В заключение главы говорится, что регламентация и упорядочивание социальной жизни человека в условиях культуры постиндустриального общества будут стимулировать появление более свободных форм в искусстве, как моделирование в художественной форме эвристических актов, направленных на сохранение родовой человеческой способности творчества нового.

**Глава 4. «Морфология массового сознания»** посвящена анализу строения и интенциям массового сознания в художественной практике постмодернизма. Для анализа используется морфологическое строение феномена, структурированного в «горизонтальном измерении», при котором картина мира массового человека рассматривается на культурновременном отрезке, пронизанном ризоморфными воздействиями и покрытом складками пространства культуры. Теория «социального спектакля» Г.Дебора представлена как модель массовой культуры, в котором осуществляется подмена «авторства» индивидуального поступка групповым перформансом. В координатах «социального спектакля» действия массового человека спонтанно принадлежат тому, кто их ему представляет, т.е. масс-медиа, поглощающих всеобщее внимание, формирующих картину мира и создающих «производство желаний». Массовое сознание оказывается в

парадоксальной ситуации безграничного выбора возможностей и ограниченного характера потребностей.

«Вертикальное изучение» массового сознания представляет собой реконструкцию ментальных образований, включающих культурную память о традиционных ценностях и исторических метанарративах. В интерсознании массы возникают фантомы мнимого единства, основанные на народных нарративах. Вертикальное изучение массового сознания приблизительно, поскольку ценности природного существования, лежащие в его основе, скрыты многочисленными симулякрами и ценностями потребления.

Мнимым переходом массового сознания в элитарное является «массовый элитаризм», при котором, по словам У.Эко, масса склонна выстраиваться иерархически, «где каждый отдельный вождь презирает как вышестоящих, так и подчинённых».

**Параграф 4.1. «Иконография массового сознания»** – посвящён исследованию феномена «рекламного» сознания. Здесь на основе данных различных дисциплин подтверждается гипотеза о рекламном характере массового сознания. Рекламная коммуникация создаёт ситуацию симуляции общения. Но это как раз необходимо массовому человеку. Наиболее важно не содержание, но симуляция содержания, важна не ситуация безрезультатного общения, но факт общения. Массовый человек попадает в складки конформизма, общего процесса потребления информации. Символическое потребление становится престижнее потребления реального. Рекламные призывы выступают выражением символического общения массового сознания, поскольку обладают рядом необходимых качеств: 1. личностной направленностью, реклама обращена к конкретному субъекту; 2. конкретностью и предметностью образов. Действенная реклама никогда не бывает абстрактной; 3. льстивым портретом массового человека. Образы рекламы активизируют «мимесис» 4. Образы рекламы направлены на гедонизм и потребление.

Реклама, как свидетельствуют социологические исследования, менее всего стимулирует приобретение рекламируемой продукции. Она поддерживает внешний имидж фирмы и лишь косвенно влияет на её успех. Имиджи рекламы создают общий психологический климат приобретения и потребления, ставший образом жизни и содержанием сознания массового человека. Ж.Бодрийяр постулирует двойственный характер рекламы: она выступает дискурсом о вещи, но и самой вещью и тем самым входит в поле материальной культуры. Природа рекламного поля такова, что, не выполняя свою функцию регулятора потребления, она сама становится предметом потребления. Рекламные тексты, как клей, обволакивают ноосферу, превращая её в торжество массового сознания. Привязанность к полю рекламы свидетельствует об инфантильности массового сознания, поскольку реклама, выступая образом социальной заботы, ассоциируется с образом матери, убеждающей в не всегда возможных и понятных, но полезных действиях. Инфантилизм массового сознания проявляется в нежелании и неумении делать выбор, в убеждении существования высшей силы и мудрости, способных принять правильное решение, которому нужно следовать.

Метод рекламной коммуникации самый эффективный в условиях потребительского общества, поскольку не требует покупки, а принимается как дар. Таким образом, воздействие рекламы содержит архаические основания дара и ситуации детства, получения родительского поощрения. Как любое информационное сообщение, реклама использует собственный язык, подразделяющийся на вербальный, жестовый, звуковой и цветовой.

Исследуется постмодернистская концепция культурного текста, его модификации и проявления интертекстуальности и гипертекстуальности в массовом сознании. По мнению Ж.Деррида в знаковом поле культуры разрушается оппозиция «текст-контекст», поскольку всякий текст только тогда и существует, когда он вписан в контекст. Культурный текст замутнён множеством контекстуальных значений. Сознание массового человека погружено в атмосферу смысловых шумов. Следовательно, содержание рекламного сознания существует в знаковом поле общекультурных процессов, пересекается смысловыми складками. Идея Ю.Кристевоу о пермутации различных текстов относится к представлению о грамматологической полифонии культурных смыслов. Интертекстуальный культурный контекст внедрился в визуальный ряд, используя как вербальные, так и невербальные знаки и их комбинации, переходящие в новые контексты. С этих позиций продуктивно исследовать рекламный текст как палимпсест (сеть знаков с различными контекстами) и, тем самым, постигнуть одну из сторон массового сознания.

Словарный запас рекламы крайне беден, что оправдывается не только задачами и условиями существования рекламы. Это язык массового сознания, он также лапидарен и стремится к междометию. Сложное умозаключение – полный провал рекламы. Простота рекламного текста только повод его додумать и достроить до искомого контекста. В тексте рекламного объявления видится симулякр (постмодернистский термин: копия без оригинала), с помощью которого реальность маскируется, но так же способно маскироваться её отсутствие. Рекламуется всегда лишь фрагмент реальности, всё остальное подлежит умолчанию. Реклама своей претенциозностью подменяет реальность, создавая устойчивые мифологемы массового сознания.

Рекламные тексты формируют спрос потребителя, как на предметы потребления, так и на модели поведения. Смыслы, закреплённые в текстах, создают устойчивые ценностные ориентации и мифологемы. Главная же задача рекламы и, следовательно, содержание массового сознания, заключается в производстве процесса потребления и превращение его в безостановочный процесс. Язык рекламных образов, рассеянный в современной культуре, формирует массовое сознание и выступает его текстовой идентификацией.

Активной формой языка рекламы и, следовательно, массового сознания является жест. Смысл и цель всякого жеста – быть понятным и вызвать ответную реакцию – ответный жест. Культурные складки рекламы стремятся от жеста к жесту, создавая фактуру повседневности. Один из самых распространённых в рекламных призывах эротический жест, имеет как скрытую, так и откровенную форму. Смысл рекламируемого продукта оказывается второстепенным, загромождённым многозначительным жестом. Жест диктуется главным акцентом мас-



сового сознания – мифологией тела, поскольку человека массы ничего, кроме собственного тела не интересует. Архаический язык тела становится наиболее красноречивым и предпочтительным способом массового общения. Тело Другого, более всего притягивает глаз массового человека, поскольку оно обладает непонятной и привычной топографией и скрывает знакомые импульсы. «Рекламное тело» обладает главной ценностью как предмет подражания, идеально сочетающего в себе явные и тайные желания массового сознания. Аксиологию телесного исследовали Ф.Ницше, Э.Дюркгейм, З.Фрейд.

Постмодернизм рассматривает тело как истинную онтологию социальной жизни. Именно телесность выступает «машиной желаний» и стимулирует производство символического капитала массового сознания. Для Ж.Бодрийяра процессы массового сознания – это «способ производства и обращения тел». Символика тела становится алфавитом современного производства и архитектуры, диктуя дизайнерам законы формотворчества. Главными воплощениями тела выступают порносимуляция, культ и демонстрация здоровья, косметика, выбор и приготовление пищи. Тем самым культурная ценность тела останавливается на функциях гедонизма и воспроизводства. Наиболее частым в рекламном сознании выступает женский образ, культурная топология которого отождествляется с сексуальностью и природной плодovitостью. Эти качества переносятся в сферы политики, экономики и социальных отношений. Вызываемая рекламным образом ответная реакция требует реального или символического разрешения. Таким образом, сексуальность в условиях культуры постиндустриального общества принимает форму индивидуального предприятия, способного приносить прибавочную стоимость, накапливаться в виде символического капитала. Символический капитал сексуальности отличается наивысшим депозитом и имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии. Масс-медийное использование эротики основано на стремлении массового сознания получить эффект развоплощения реального, превращения его в гиперреальное. В подчёркнуто точном воспроизведении реального массовое сознание видит признак высшего качества продукции и его доступность. Человек массы, ощущая обращённый к нему рекламный призыв, осознаёт свою значимость и ценность.

Симулятивность массового сознания выступает как ряд симулякров, принимаемый массовым сознанием за реальность. Рекламное сознание способно гибко приспосабливаться, и превращается в «соучастника» действия, симулятивно разворачивающегося в массовом сознании общения и потребления. К таким массовым симулякрам относится зрелище, составляющее основу праздничной культуры. Приводятся свидетельства М.М.Бахтина и Р.Жирана. Зрелище покоряет, «релаксирует» зрителя, превращается в «визуальный допинг». Недоступность зрелища становится главным источником «желания иметь». Став свидетелем зрелища массовый человек ощущает себя господином потребительского изобилия.

Рекламное существование массового сознания является провокацией воображаемого мира, покоряющего потребителя. В этом пиршестве массового вкуса происходит преобразование реальности в гиперреальность. Если для Ж.Делёза качество симулятивности является активным стимулом, то в этом символи-

ческого обмена и формирования новых ценностей, то Ж.Бодрийяр видит в симулякре разрушителя культуры. «Символический обмен», порождающий симулятивное сознание, подталкивает искусство к самоуничтожению, к торжеству безвкусицы и банальности. Оба мыслителя справедливо отметили свойство симулятивного сознания – заменять креативное, символическое содержание культурных ценностей на поверхностные и временные культурные суррогаты. Их ценность в лёгкости усвоения массовым сознанием. Опираясь на относительность смыслов, симулятивное сознание претендует на большую реальность, чем сама реальность, используя технические возможности имитации любого визуального ряда. В постиндустриальном обществе на производство гиперреальности ориентированы все масс медиа. По словам Ж.Бодрийяра в рекламном сознании осуществляется «устрашение реальности гиперреальностью». Её предельная насыщенность изменяет и разрушает неустойчивый вкус массового сознания и толкает к вульгарности, к кичу. Плюрализм ценностного сознания массы ведёт к полному обесцениванию традиционных ценностей культуры. Искусные подделки ориентируются не на изысканность, но на заурядность. Использование новых искусственных материалов приучает массовое сознание к различным заменителям, отсутствию ощущения чётких качеств материалов, размыванию границ между вещами. Происходит подмена онтологической определённости культурных ценностей на принципиальный плюрализм и симулятивность.

Невозможность полной адаптации к гиперреальности создаёт в массовом сознании прочный комплекс неполноценности, выступающий в форме потребительского голода.

**Параграф 4.2. «Тело и вещь в контексте культуры».** Симулятивное существование массового сознания управляется онтологическими составляющими бытия – телом и вещью. Если в классических культурах представления о «душе» и духовности определяли организацию тела и выработывали стратегию обидного поведения, то в культуре постмодернизма телесность и её желания постулируются как один из определяющих модусов бытия. Культ тела господствует даже в психиатрии и торжествует в современной моде. Для Р.Барта мода не связана с практической пользой, но выступает произвольной манипуляцией знаками. Симиургия моды противоположна строгой функциональности экономики. Мода, переставая быть знаком социального различия, превращается в разновидность телесной игры. Социально табуированная сексуальность в сфере массового сознания приобретает потребительскую стоимость только в результате абсолютной безопасности. Будучи отдано во власть модных знаков, тело сексуально расколдовывается, становится манекеном.

Постмодернистская концепция тела находится под сильным влиянием фрейдизма и неопрейдизма, что, естественно, сказывается в терминологии и основных акцентах, принятых в психоанализе. Наследие структурализма предполагает рассмотрение тела как сети знаков и топографических меток, в координатах которых возникают пространственные символы и значения. Амбивалентность означающего и означаемого, возникающие в экзистенциальном потоке тел, провоцируют многие дизайнерские проекты. Массовое сознание прекрасно распознает знаки тела и читает скрытый в них смысл, поскольку они являются

главным ориентиром в «море житейском». Фетишизация вещей, как и фетишизация тела, совершенно естественна для массового сознания. Поскольку всякая вещь антропоморфна, является продолжением и дополнением человеческого тела, постольку она принимает на себя весь спектр эмоций и ценностей, распространяющихся на тело (Фуко). Между тем в посткультуре многообразие вещей превосходит перечень человеческих способностей. Тем самым, современное конструирование стремится упразднить реальные трудовые процессы и вытеснить их из реальных форм, оставив только снятое отношение. Роли меняются, и вещи в своей сверхцелесообразности превращаются в активных субъектов существования, в то время как человек остаётся зрителем их целесообразной активности. Массовое сознание, охваченное «желанием иметь», испытывает перед вещами мистический восторг. Стремление обладать желанными вещами превращает массового человека в суетливого созерцателя и униженного просителя недоступных ему символов модного благополучия. Жизненное счастье получает материальное воплощение только в своей потенции, как предмет желания.

Подобно социальным группам, вещи способны выступать маргиналами. Не вписываются в общую функциональную систему, например, старинные вещи, отмеченные «мифологичностью» и скрытой «нарративностью». Возможно также, что стремление к обладанию антиквариатом есть проявление в современном сознании ностальгии по утраченной уникальности вещи. Приобретение антиквариата превращается в престижное потребление, становясь симулякром благосостояния.

Сфера технического фантазирования расширила свои границы, в художественной практике постмодернизма создаются «шизофункциональные» художественные проекты, инсталляции из технических приспособлений и вещей, насыщенные риторикой и аллегорией (Делёз). Попытки внести художественный смысл в технический хаос выступают проявлением чувства самосохранения перед лицом технической среды. После участия в арт-действе арт-объекты разрушаются или остаются предметами музейных экспозиций. Художественное экспериментирование с технической средой вносит необходимый элемент иронии, разрушающей её всемогущество. Общество потребления, нацеленное на производство вещей, сталкивается с опасностью всеобщей интеграции в необратимую предметную среду, подменяющую собой естественное взаимодействие природных сил, человеческих способностей и вспомогательных технических средств.

**Параграф 4.3. «Синдром катастрофизма»** – посвящён исследованию феномена страха в массовом сознании. Если для элитарного сознания свойственно состояние эсхатологизма, то для массового сознания характерно погружение в катастрофизм. Изобретательность и многообразие наслаждений в посткультуре сопровождается степенностью случайного риска. Чувство страха обретает феноменальный характер, преследуя сознание массового человека. Это отмечали К.Н.Леонтьев, В.С.Соловьёв, П.А.Сорокин, С.Кьеркегор, Ж.-П.Сартр, З.Фрейд, М.Хайдеггер.

Благоустроенность жизни постиндустриального общества, казалось бы, должна вытеснить страх массового человека за своё существование. Однако рост преступности, расширение маргинальной сферы, частые природные и со-

циальные катастрофы увеличивают массовые опасения. В многоликом организме урбанистической культуры отдельный человек не способен противостоять разрушительным силам. Ощущение катастрофы изменяет ментальный климат общества. Страхи массового сознания отражаются в искусстве, проявляются в социальных движениях. Социальные страхи отразились в историко-культурных процессах прошлого. (Фуко). Страхи способны вызывать спонтанную или спланированную агрессию. Причину страхов массовое сознание видит в природе, в «её неразумном теле», природная стихия приводит обывателя в ужас. Чуждая массовому сознанию интеллектуальная элита также рассматривается как источник страхов и «вредительства». Причина экологических проблем приписывается авторам их формулировок. Массовое сознание, архаическое по своей природе, приписывает магическую функцию мысли и слову.

Ж.Бодрийяр постулирует «несчастный случай» как норму современной жизни, что привело к существенному снижению тонаса трагичности. Между тем человек, живущий с чувством опасности, постоянно находится в силовых векторах неуверенности. Его субъективный мир попадает в сферы деконструкции и симуляции. Отсутствие фактора уверенности приводит к невозможности опираться на авторитеты и свидетельства – всё становится условным и относительным. Относительны также потери и страдания. В повседневных катастрофах массовый человек видит форму «жертвоприношения». Смерть, участвуя в символическом обмене, наделяет обыденность древними смыслами, ценившимися в традиционных культурах. Симулятивное жертвоприношение и жертвенность вносят ценность и иллюзию смысла в повседневный катастрофизм.

**Параграф 4.4. «Симулятивная мифология»** – здесь говорится о смысле и основных функциях мифологического сознания. Приводятся мнения Р.Жирана, К.Леви-Строса и З.Фрейда. Так, языковые блоки мифа становятся самостоятельными элементами культурного дискурса, сохраняя память о своём синкретическом происхождении. Мифологическое сознание ризоморфно, опираясь своим основанием на архаические метанарративы.

Мифы массового сознания, по мнению Р.Барта, порождаются не только с целью снятия социальных и психологических противоречий, но также для их «натурализации», оправдания. Для своего возникновения миф требует не только события, но и временной привязки к событиям прошлого. Миф не возникает только из «природы вещей», но из специфического дискурса, абсолютизирующего смысл, исключая сомнение и верификацию.

Банальность жизни массового человека побуждает его к поиску смыслов и метаобразности, придающих ценность существованию. Между тем, современные мифы, циркулирующие в массовом сознании, лишены сущностного начала, они случайны и фрагментарны. Являясь «вторичной семиологической системой» (Барт), миф кроме означающего, означаемого и знака, требует контекста, в котором осуществляется процесс взаимодействия между смыслом и формой. Мифологические смыслы и формализации объединяют современное и архаическое содержание в ризомные структуры, сохраняя креативную способность к порождению новых смыслов. По словам Ж.Делёза, мифосимволы претендуют на бесконечность процесса смыслообразования. Их смыслы и значения порож-

даются «серединой» - гиперсмыслом и гиперзначением, из которых порождаются новые оттенки смысла. Понятие мифа в силу его подвижности, является ключевым для постмодернизма, поскольку выступает удобным инструментом для дискурса, направленного как на магистральные, так и на периферийные области культуры. Это понятие обладает культурным авторитетом и смысловой ёмкостью. Интенция мифа становится продуктивной, поскольку продуцирует концепт. Опора на архетипические ценности мифа становится условием успеха рекламы.

Мифологизм современного массового сознания подменяет научные знания сведениями повседневной жизни, верой в счастливую случайность. Между тем, ложное стремление к сциентизму, олицетворяющему культурность, потребительский цинизм разрушают целостность мифосимволов. Создаётся параноидальный коллаж, составляющий содержание массового сознания, сотканный из надежд, ожиданий, страхов, но также безапелляционной самоуверенности.

Реклама, рассмотренная как современное мифотворчество, окружает человека хороводом случайных симулякров, является уделом повседневной культуры и массового сознания.

Потребительские интенции и мир вещей порождают в массовом сознании мифообразы, возникающие в процессах мифологизации техники и технологии. Примеры из истории культуры, касающиеся взаимодействия массового сознания и техники констатируют появление превращённого (мифологического) смысла. По мысли Э.Томпсона научная эволюция движется линейно, поступательно, в результате во главе общества встанут просвещённые технократы, ставшие властной элитой, в то время как масса превратится в толпу послушных технорабов. Порядок и относительная гармония будут достигнуты с помощью совершенствования механизма власти. Представляется, что процессы, связанные с развитием техники и технологии затрагивают глубокие слои социальных процессов и сложно отражаются в массовом сознании. Если интеллектуальную элиту беспокоят цивилизационные последствия развития технокультуры, то массовое сознание осваивает техносреду с помощью её мифологизации. Так технофобия порождает и стимулирует техномифологию.

Техника, как и древние мифообразы, принадлежит одновременно двум мирам: в технике «пульсирует» жизнь, поскольку в ней присутствует жизнеподобная целесообразность, но так же и смерть, поскольку механизмы состоят из неживого материала. Принадлежность к двум мирам означает архетип бессмертия. Подобно мифологическим героям, механизмы становятся носителями, как добра, так и зла. Вставляя в складки культуры, технообразы раздвигают границы человеческого мира, становясь посредниками между повседневностью и пространственно-временным континуумом. По мысли В.Беньямина, техника выступает не только как «производительная сила», но как медиум, как порождающий принцип нового поколения смыслов. Механизованная среда человеческого обитания становится источником нового алфавита общения, артикуляцией смыслов и способов объяснения мира. Фетишизация техники, по мнению А.Коклен, требует замены процесса интерпретации интерактивностью, включением субъекта в процесс реального и символического производства. Теоретики постмо-

дернизма (Бодрийяр) отмечали, что современное производство становится подобным искусству – целесообразностью без цели. Искусство и промышленность обмениваются семиотическими системами: искусство становится репродуктивной машиной, а производство, утратив общественную целесообразность, сохраняет престижную ценность. Воображаемая жизнь механизмов наполняет пространство повседневности множеством символических складок, пересекающих и изменяющих пейзаж реальности.

Большую часть жизни средний человек посвящает приобретению и обслуживанию различных механизмов. Нарративность технофологии симулирует историко-культурную нарративность. Механизм, как любой фетиш, стимулирует символический диалог. Виртуальный компьютерный мир изменяет не только реальность, но и ментальность, превращаясь в интимного собеседника и хранителя сокровенной информации.

Практически вся семантика рекламы построена на системе технообразов, соблазняющая возможностью властвовать над ними. Реклама превращается в магическую практику.

**Параграф 4.5. «Искусство как соблазн и товар».** Массовое искусство, имеющее корни в народной культуре, опирается на фольклор. Фольклорные истоки массового искусства исходят из синкретических пластов смыслообразования. В массовом искусстве преобладают «открытые», прямолинейные смыслы. В нем отсутствуют сложные, завуалированные значения, требующие опосредованных, многоступенчатых смысловых ходов. Семантическое поле массового искусства пересечено крупными, определёнными складками, соединяющими архаическую и повседневную культуры. Многозначность образа достигается не самостоятельным смыслообразованием, что, например, свойственно «высокому искусству», а опорой на мифологические основания, придающие авторитетность художественному обобщению. В этом разделе анализируются суждения Т.Адорно, В.Е.Гусева, Н.И.Кнященко, А.А.Пелипенко, К.Э.Разлогова, В.П.Руднева, В.А.Семёнова, Э.Тоффлера, А.Я.Флиера, исследовавших природу массового искусства.

Произведения, предназначенные для массового потребления, выполняют иллюзорно-компенсаторную функцию приобщения массового человека к миру визуального опыта, создавая при этом иллюзию реальности и иллюзорно компенсируя процессы деятельности. Жанры массовой культуры должны обладать жестким синтаксисом, внутренней структурой, но при этом могут быть бедны семантически. Четкая семантическая определенность необходима для того, чтобы жанр был замечен сразу. Массовый человек предпочитает ясно видеть «опознавательные знаки» любой продукции, которую ему предлагают для «потребления». Относясь к искусству как к товару, массовый потребитель хочет видеть вычурный ярлык продукции. Только после ясного определения жанра и «понятности» он приступит к «потреблению». Характерными чертами массового искусства являются развлекательность и занимательность любыми средствами, коммерческий успех и популярность, включение инстинктов и суеверий, культ гедонизма и потребительства, схематизация и стереотипизация содержания, прямолинейная ирония и пародия и т.д. Необходимым условием успешного функ-

ционирования произведений массового искусства должны стать их виртуозное исполнение внутри обозначенного жанра, то есть они должны стать добротным товаром на рынке художественной культуры. Иными словами, произведения массового искусства для достижения задач успешного функционирования должны обладать «ангажированностью» (Адорно), стать ходким товаром и приносить прибыль создателям.

Массовое искусство обладает адаптационной функцией, приобщением личности к корпусу основных культурных ценностей, включением их в массовое сознание. Освоение текстового содержания произведений не составляет труда для обывателя. Идеи и смыслы облекаются в занимательную форму, формальные приёмы отличаются простотой и доступностью. Процесс восприятия пропитан релаксацией и гедонизмом.

Чаще всего произведения массового искусства являются продуктом коллективного творчества. Неслучайно авторство произведений массового искусства принадлежит не только создателю идеи, но и продюсеру, режиссёру, издателю, арт-директору и т.д.

Произведение искусства может стать частью массовой культуры только при условии солидного тиража, публичной постановки, выхода на широты СМИ, в противном случае оно не может быть массовым, но остаётся известным лишь группе профессионалов. Массовая арт-индустрия направлена на производство артефактов, имеющих устойчивый спрос в массовом сознании. Подобно миру детства, мир массового искусства оптимизирован и наполнен упрощённым, инфантизированным смысловым содержанием. Это качество создаёт иллюзию единства поколений и межвозрастной солидарности.

Между тем массовое искусство не претендует на вневременное существование. Его удел ограничен временем досуга, необходимого для релаксации. Произведение существует недолго, появляясь в культурной памяти только в виде «ретро». Непродолжительная поверхностность симулятивного бытия становится эталоном художественной ценности произведения массового искусства, критерием общественного вкуса и образа жизни.

В **Заключении** подводятся итоги проведённого исследования, анализируются перспективы постмодернизма и нового категориального мышления, проходящего через культурные «фильтры» элитарного и массового сознания.

## Основные публикации по теме диссертации

### Монографии, учебные пособия:

1. Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма. – СПб.: СПб гос. ун-т культуры и искусств, 2004. – 372 с. (23, 25 п.л.).
2. Галерейное дело. Введение в арт-бизнес. Учебное пособие.- СПб. : КультИнформПресс, 2001. – 72 с. (4, 5 п.л.)
3. Пути создания художественного образа. (Роль воображения в художественном творчестве). – М. : Знание, 1984. – 64 с. (2, 8 п.л.).

### Статьи:

4. Элита и масса в пространстве посткультуры // *Философский Петербург*. Приложение к журналу «Философские науки». – М. : Гуманитарий, 2004. – С. 380 – 396. (издание, рекомендуемое ВАК).
5. Синдром катастрофизма в массовом сознании // *Интеграция науки и высшего образования в социально – культурной сфере*. Сборник научных трудов. Вып. 2. Приложение к региональному научному журналу «Культурная жизнь юга России». – Краснодар, 2004. – С. 289 – 299. (издание, рекомендуемое ВАК).
6. Неомифологическая картина мира и семья // *Метафизика семьи и государственная политика*. – СПб. : Из-во СПбГПУ, 2005. – С. 114 – 119.
7. *Избранность элиты* // *Мировая политика и идейные парадигмы эпохи*. – СПб. : СПбГУКИ, 2004. – С. 385 – 392.
8. *Воспитание интеллектуальной элиты. Культурологические основания* // *Философия образования и мир детства*. – СПб. : Из-во СПбГПУ, 2004. – С. 232 – 263.
9. *В мире тел и вещей* // *Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств*. Научный журнал. №1(2) / 2004. декабрь. – СПб. : СПбГУКИ, 2004. – С. 52 – 60.
10. *Язык элитарной коммуникации* // *Современные проблемы межкультурных коммуникаций*. – СПб. : СПбГУКИ, 2003. – С.34 – 42.
11. *Воспитание творческих способностей в координатах постмодернизма* // *Философия детства и социокультурное творчество*. – СПб. : Из-во СПбГПУ, 2003. – С. 552 – 563.
12. *К вопросу о понятии «порог культуры»* // *Образ современности: этические и эстетические аспекты*. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – 179 – 181.
13. *Акварельный мир Люси Ковалёвой*. Альбом. – СПб. : Borgese. 2002. с. 4.
14. *Катастрофа как эстетическая категория* // *Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века*. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 61 – 63.



15. К вопросу об элитарном искусстве и перспективах его развития // Векторы развития культуры на грани тысячелетий. – СПб. : СПбГУКИ, 2001. – С. 254 – 264.
16. Постмодернизм в культуре XX века. Программа курса. – СПб. : СПбГУКИ, 2001. – 32 с.
17. St. Petersburg Art in 2001 // London – St. Petersburg. Luke & A Gallery, 2001. – p. 2 – 6.
18. Времена года Галины Русак // Galina Rusak. Paintigs 2000-2001. Catalogue. – London. Luke&A Gallery, 2001. – p. 2 – 4.
19. Александр Кондуров. Параметры творчества // Адександр Кондуров. Альбом. – СПб. : 2001. – С. 2 – 3.
20. Бессмертие элиты // Бренное и вечное. Проблемы функционирования и развития культуры. Всероссийская научная конференция 24-26 октября 2000 г. Выпуск 3. – Великий Новгород, 2000. – С. 69 – 70.
21. Красота как соблазн // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.152 – 155.
22. История культуры XX века. Программа курса. – СПб. : СПбГУКИ, 2000. – 23 с.
23. История искусств. Программа курса. Часть третья. – СПб. : СПбГУКИ, 2000. – 19 с.
24. Понятийный фон художественной культуры конца XX века // Философия истории и культуры. Научные доклады Ассоциации «Диалог культур». – СПб. : СПбГУКИ 1999. – С. 91 – 94.
25. Отрицание гравитации // В.Духовлинов. Альбом. – SPb – London.: Luke&A Gallery, 1999. – p. 2 – 3.
26. «Незнакомка» как образ женщины Серебряного века // Вестник Академии Русского Балета им А.Я.Вагановой №6. – СПб. : АРБ им. А.Я.Вагановой, 1998. – С. 88 – 91.
27. «Юрий Петрович» // Санкт-Петербург – Флорида. Альманах. – СПб. : «Борей», 1998. – С. 117 – 120.
28. История и искусство как парадигмы времени // Историзм в культуре. – СПб. : СПбГУКИ, 1998. – С. 189 – 192.
29. Новые территории искусства – эпистолярная живопись Владимира Котлярова (Толстого) // Наука и культура русского зарубежья. – СПб. : СПбГУКИ, 1997. – С. 205 – 207.
30. Терра инкогнита Валерия Мишина // Валерий Мишин. Альбом. – Спб. 1997. – С. 2 – 3.
31. Вещь как артефакт // Научно-методические проблемы подготовки специалистов в вузах культуры. – СПб. : СПбГУКИ, 1997. – С. 83 – 86.
32. О творчестве Александра Медведева // Союз независимых художников. Галерея «Елена». – СПб. 1997. – С. 2 – 3.
33. Геннадий Михайлович Петрыгин – Радионов. Альбом. – Спб. 1996. – С. 4 – 6.
34. Тера инкогнита Валерия Мишина // Валерий Мишин. Альбом. – СПб. Palitra Gallery. 1996. – С.2 – 3.

35. Арт – контакт. Альбом. – СПб. : ЦВЗ. 1992. – С. 5 – 6.
36. На пути к примитиву // Петербургский арт-наив. – СПб. : Лит.- мемор. музей Ф.М.Достоевского. 1992. С. 2 – 3.
37. О творчестве Владимира Петровичева // Владимир Петровичев. Альбом – СПб. : ЛОСХ, 1991. – С. 1 – 2.
38. Художник оптом и в розницу // Искусство Ленинграда. 1991, №6. – С. 24 – 27.
39. Дифирамб руке мастера // Искусство Ленинграда. 1991, январь – 1991. – С. 32 – 34.
40. Печаль её света // Аврора. 1991, № 1. – С. 144 – 146.
41. Проблема самоопределения русской художественной культуры в начале XX века // Интернациональные традиции русской культуры. – Л. : ЛГИК, 1991. – С.52 – 61.
42. Кто идёт? – «Свои»! Аврора. 1990, №5. – С. 145 – 148.
43. К вопросу о религиозном и художественном содержании в образах искусства // Религия, атеизм и современная культура. – Л. : ЛГИК, 1989. – С. 6 – 15.
44. Выставка группы «Свои». Л. : Сов. Фонд к-ры, лен. отделение. 1989. – С. 2 – 4.
45. Выставка группы «Кочевье». Л. : Сов. Фонд к-ры, лен. отделение. 1989. – С. 2 – 4.
46. Эстетика и художественная культура. Тематические планы, программы, методические рекомендации. – Л. : ЛГИК, 1989. – С. 37 – 42.
47. Valentin Gerasimenko Grafik. – Hamburg: Klein Tipografie Gallerie, 1989. – 2 s. (на англ. и нем. яз.).
48. Die Malerei Elena Figurinas. – Hamburg: Klein Tipografie Gallerie, 1989. – 2 s. (на англ. и нем. яз.).
49. Критика представлений буржуазной культурологии о творческой способности художника (Воображение и творчество) // Критика буржуазных философских и социологических концепций культуры. – Л. : ЛГИК, 1986. – С. 93 – 104.

*Подписано в печать 12.09.2005*

12.09.2005. СПбГУКИ. Печ.л.2,75. Тир.150. Зак.121.

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д.2. СПбГУКИ

**№ 16697**

РНБ Русский фонд

2006-4

13558